Организация Объединенных Наций S/2018/292

Совет Безопасности

Distr.: General
12 April 2018
Russian
Original: English

Письмо Группы экспертов по Южному Судану от 12 апреля 2018 года на имя Председателя Совета Безопасности

Члены Группы экспертов по Южному Судану, мандат которой был продлен резолюцией 2353 (2017) Совета Безопасности, имеют честь препроводить настоящим итоговый доклад Группы, представленный в соответствии с пунктом 2 резолюции 2353 (2017).

Доклад был представлен Комитету Совета Безопасности, учрежденному резолюцией 2206 (2015) по Южному Судану, 14 марта 2018 года и был рассмотрен Комитетом 11 апреля 2018 года.

Группа будет признательна, если настоящее письмо и доклад будут доведены до сведения членов Совета Безопасности и изданы в качестве документа Совета.

(*Подпись*) Эндрюс **Атта-Асамоа**
Исполняющий обязанности Координатора
Группы экспертов по Южному Судану

(*Подпись*) Андрей **Колмаков**
Эксперт

(*Подпись*) Анна **Остерлинк**
Эксперт

(*Подпись*) Клем **Райан**
Эксперт

(*Подпись*) Колин **Томас-Дженсен**
Эксперт

18-03977 (R) 160418 160418

Просьба отправить на вторичную переработку

Итоговый доклад Группы экспертов по Южному Судану

Резюме

После представления промежуточного доклада Группы экспертов по Южному Судану (S/2017/979) характер конфликта, о котором Совету Безопасности сообщалось ранее, в некоторых районах Южного Судана не изменился, что привело к тяжелым гуманитарным последствиям. Воюющие группировки, но главным образом правительственные силы, прибегают в качестве тактики ведения войны к убийствам, изнасилованиям и другим формам сексуального насилия, насильственному перемещению населения, систематическому разграблению и уничтожению источников средств к существованию и целых деревень. Поэтому конфликт далеко не в первую очередь представляет собой боестолкновения между воюющими группировками, а все чаще превращается в волну жестокости по отношению к гражданскому населению, которая периодически захлестывает страну и вынуждает людей спешно покидать свои дома и бросать занятия, служащие для них источниками средств к существованию.

В этих условиях президент Салва Киир, руководствуясь соображениями самосохранения и в целях удержания политического и экономического влияния, продолжает укреплять свою власть в окружении небольшой группы ближайших верных сторонников жесткого курса, представляющих политическую верхушку страны. Первый вице-президент Табан Денг Гаи также сосредоточил свои усилия на том, чтобы заручиться поддержкой и добиться военных успехов в районах, находящихся под контролем возглавляемой Риеком Машаром фракции Народно-освободительной армии Судана в оппозиции (НОАС (оппозиция)), и тем самым расширил масштабы военных действий, невзирая на достигнутое при посредничестве Межправительственной организации по развитию соглашение о прекращении боевых действий.

При этом как правительственные силы, так и оппозиционные группировки препятствуют гуманитарному доступу к уязвимым группам населения в некоторых районах страны и в условиях ухудшения экономического положения в стране продолжают присваивать ресурсы, направляемые в порядке оказания помощи. По данным проведенных Группой расследований, вывоз и нецелевое использование природных ресурсов правительственными силами и НОАС (оппозиция) под командованием Машара в некоторых частях страны осуществляются параллельно с военными операциями, а также в целях закрепления успехов, достигнутых в ходе военных операций, и в целях обогащения политической и военной элит.

Несмотря на предпринимаемые некоторыми оппозиционными группировками попытки к политическому объединению, они остаются разрозненными в оперативном плане и имеют ограниченные возможности для продолжения военных операций. В нынешней ситуации соотношение сил сохраняется в пользу правительства, что дает правительству веские основания для того, чтобы и впредь делать ставку на военное решение, а не на урегулирование конфликта путем переговоров.

Соперничество между региональными альянсами и разновекторность их интересов продолжают подрывать региональный консенсус в интересах мира в Южном Судане, тем самым позволяя воюющим сторонам затягивать реализацию усилий, прилагаемых для достижения мира, и упорствовать в своей решимости урегулировать конфликт военным путем. В то же время отсутствие у правительства политической воли все больше подрывает его международный авторитет, в том числе в регионе, где в расчете на поддержку президент Салва Киир полагается на свои отношения с президентом Уганды Йовери Мусевени и Египет.

Группа считает, что с учетом отсутствия политической воли к практической реализации прилагаемых в настоящее время усилий в целях достижения мира и ввиду отсутствия серьезного давления со стороны региона и международного сообщества положение в стране будет продолжать ухудшаться, что повлечет за собой тяжелейшие последствия в гуманитарном плане и с точки зрения региональной безопасности.

Содержание

		Стр.
I.	Справочная информация	6
	A. Мандат и назначение членов Группы	6
	B. Методология	6
	C. Сотрудничество с международными организациями и другими заинтересованными сторонами	7
II.	Резюме конфликта	8
III.	Препятствия на пути осуществления усилий в целях достижения мира и примирения	9
	A. Соотношение сил в составе Переходного правительства национального единства	9
	B. Фрагментарность военно-политического ландшафта	12
	C. Усиление противоборства на почве межэтнических противоречий	14
	D. Рост региональной напряженности	14
IV.	Нарушения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека	17
	A. Нападения на гражданских лиц, совершаемые на почве межплеменных противоречий	17
	B. Нарушения прав ребенка	20
	C. Воспрепятствование оказанию гуманитарной помощи и нападения на работников гуманитарных организаций	22
V.	Источники финансирования	29
	A. Поступления от нефти	29
	B. Доходы от древесины, позволяющие финансировать вооруженные группы	30
	C. Вымогательство средств у сотрудников Миссии Организации Объединенных Наций в Южном Судане	31
VI.	Оружие	32
VII.	Осуществление мер по замораживанию активов и запрета на поездки	39
VIII.	Заключение	41
IX.	Рекомендации	41
Приложения*		
I.	Table of correspondence	43
II.	Conflict-related sexual violence	44
III.	Response of First Vice-President Taban Deng Gai regarding recruitment of children by the Sudan People’s Liberation Army in Opposition (Taban)	46
IV.	Obstruction of humanitarian access	47
V.	Case study: Taxation at checkpoints	49

* Приложения распространяются только на том языке, на котором были представлены, и публикуются без официального редактирования.

VI. Case study: Loka plantation 51
VII. Letters to the Permanent Representative of China to the United Nations 54

I. Справочная информация

A. Мандат и назначение членов Группы

1. Своей резолюцией 2206 (2015) Совет Безопасности ввел режим санкций в отношении физических лиц и организаций, способствующих конфликту в Южном Судане, и учредил комитет по санкциям (Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюцией 2206 (2015) по Южному Судану). 1 июля 2015 года Комитет объявил о введении адресных санкций в отношении шести физических лиц. После принятия Советом 24 мая 2017 года резолюции 2353 (2017) действие режима санкций было продлено до 31 мая 2018 года.

2. Вводя режим санкций, Совет Безопасности постановил, что санкционные меры, включающие запрет на поездки и замораживание активов, будут применяться к физическим лицам и/или организациям, в отношении которых Комитет вводит такие меры по причине того, что они несут ответственность за действия или меры, представляющие угрозу для мира, безопасности или стабильности Южного Судана, или причастны к таким действиям или мерам либо же участвовали, прямо или косвенно, в осуществлении таких действий или мер.

3. Совет Безопасности учредил также группу экспертов (Группа экспертов по Южному Судану) для представления и анализа информации об осуществлении этой резолюции. Речь идет, в частности, об информации, касающейся возможного внесения в санкционный перечень, и информации о поставках, продаже или передаче вооружений и относящихся к ним материальных средств и оказании в связи с этим военной или иной помощи, в том числе через сети, осуществляющие незаконный оборот, лицам и организациям, которые своими действиями подрывают политические процессы или участвуют в совершении актов, представляющих собой нарушения применимых норм международного права прав человека или международного гуманитарного права. В соответствии с резолюцией 2353 (2017) Совета мандат Группы был продлен до 30 июня 2018 года.

4. 11 июля 2017 года Генеральный секретарь, проконсультировавшись с Комитетом, назначил пятерых членов Группы (см. S/2017/594): эксперта по региональным вопросам (Эндрюс Атта-Асамоа), эксперта по природным ресурсам и финансам (Андрей Колмаков), эксперта по гуманитарным вопросам (Анна Остерлинк), координатора и эксперта по вопросам вооружений (Клем Райан) и эксперта по вооруженным группам (Колин Томас-Дженсен). 16 февраля 2018 года секретариат проинформировал членов Комитета о том, что 15 февраля 2018 года г-н Райан оставил пост координатора Группы экспертов , но продолжит выполнять свои функции в качестве эксперта по вопросам вооружений на протяжении срока действия мандата Группы (до 30 июня 2018 года).

5. Со времени представления промежуточного доклада Группы от 20 ноября 2017 года (S/2017/979) члены Группы посетили Бельгию, Италию, Кению, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Уганду, Южный Судан и Эфиопию.

B. Методология

6. Настоящий доклад подготовлен на основе результатов исследований и бесед, проведенных членами Группы в период с октября 2017 года по февраль 2018 года, а также по итогам обзора имеющихся документов правительства Южного Судана, региональных структур, включая Межправительственную организацию по развитию (ИГАД) и Африканский союз, и международных организаций, которые занимаются вопросами, связанными с Южным Суданом. Помимо этого, при составлении доклада использовались материалы, подготовленные

Группой ранее, в том числе ранее представленные Совету Безопасности доклады — как находящиеся в открытом доступе, так и конфиденциальные, записи сотен бесед и большой объем информации и доказательств, полученных из самых разных источников.

7. Группа соблюдает стандарты, рекомендованные Неофициальной рабочей группой Совета Безопасности по общим вопросам, касающимся санкций, в ее докладе от декабря 2006 года (S/2006/997). Эти стандарты предполагают использование проверенных, подлинных документов, конкретных доказательств и результатов наблюдений, проводившихся на местах самими экспертами, включая, где это возможно, фотографии. В целях соблюдения соответствующих требований, предъявляемых к доказательствам, Группа подтвердила всю содержащуюся в настоящем докладе информацию, обратившись ко многим независимым источникам.

8. В своей работе Группа обеспечивает максимально возможную транспарентность, сохраняя при этом конфиденциальность, когда это необходимо. Когда в настоящем докладе источник называется «конфиденциальным» или не называется, это означает, что, по мнению Группы, раскрытие личности источника создаст реальную угрозу для его или ее безопасности. Когда конфиденциальный военный источник указывается в докладе как «старший» офицер или командир, это означает, что данный человек имеет звание от подполковника до бригадного генерала. Когда конфиденциальный военный источник указывается как офицер или командир «высокого ранга», это означает, что данный человек имеет звание генерал-майора или выше. Документ называется «конфиденциальным», когда раскрытие его содержания может поставить под угрозу безопасность источника или каким-либо иным образом подорвать проводимые Группой расследования.

9. В соответствии с мандатом, возложенным на Группу в резолюции 2353 (2017), для сбора, изучения и анализа информации, касающейся поставок, продажи или передачи оружия и связанных с ним материальных средств, Группа использовала целый ряд методов, включая инспекцию оружия и техники, проверку фотографий и других визуальных доказательств, анализ документов и материалов, а также проведение бесед с непосредственными участниками или очевидцами событий. В отсутствие оружейного эмбарго проводить специальные инспекции запасов оружия не представлялось возможным.

C. Сотрудничество с международными организациями и другими заинтересованными сторонами

10. Группа действует независимо от учреждений и организаций системы Организации Объединенных Наций, но тем не менее хотела бы выразить искреннюю признательность руководству и сотрудникам Миссии Организации Объединенных Наций в Южном Судане (МООНЮС), Канцелярии Специального посланника Генерального секретаря по Судану и Южному Судану и другим сотрудникам Организации Объединенных Наций в Аддис-Абебе, Кампале и Найроби за их неоценимую поддержку.

11. С начала срока действия своего мандата Группа направила 30 официальных запросов 22 адресатам, в том числе государствам, организациям и другим субъектам, и получила 11 ответов с запрошенной информацией (см. приложение I к настоящему докладу).

II. Резюме конфликта

12. После того, как 20 ноября 2017 года Группа представила свой промежуточный доклад (S/2017/979), характер конфликта, о котором Совет Безопасности уведомляли ранее, во многих частях Южного Судана не изменился, несмотря на возобновление регионального сотрудничества, благодаря которому 21 декабря 2017 года в Аддис-Абебе было в итоге подписанию Соглашение о прекращении боевых действий, защите гражданского населения и обеспечении гуманитарного доступа[1].

13. О конфликте в Южном Судане все чаще говорят как об одном из самых тяжелых гуманитарных кризисов в мире, вызванных в первую очередь постоянным применением насилия в отношении гражданского населения всеми воюющими сторонами. От крайне жестоких форм насилия, совершаемого главным образом на почве этнической вражды и/или в отношении тех, кто, предположительно, поддерживает оппозиционные группы, более всего страдает гражданское население в штатах Большая Экватория, Верхний Нил, Джонглей, Юнити и Западный Бахр-эль-Газаль. Воюющие группировки, но главным образом правительственные силы, в качестве обычной тактики ведения боевых действий в этих районах прибегают к убийствам, изнасилованиям и другим формам сексуального насилия, насильственному перемещению населения, систематическому разграблению и уничтожению источников средств к существованию и целых деревень. В силу этого конфликт все чаще представляет собой не боестолкновения между вооруженными группировками, а превращается в волну жестокости по отношению к гражданскому населению, которая периодически захлестывает страну.

14. Внутриэтнические аспекты конфликта обострились с мая 2017 года, когда произошел серьезный разлад между президентом Кииром и генералом Полом Малонгом Аваном и когда первый вице-президент Табан Денг Гаи попытался заручиться более широкой поддержкой со стороны своей этнической группы — нуэров, в результате чего в некоторых общинах произошел раскол на сторонников Табана и сторонников Риека Машара. Напряженность в отношениях между Кииром и Малонгом в особой степени способствовала еще большему углублению существующих разногласий между общинами динка в Варрабе, Авейле и Боре и существенно ослабила поддержку президента в военных кругах и среди сочувствующих ему представителей его народности в этих общинах.

15. В условиях сложившейся в стране тяжелейшей ситуации президент Киир продолжает ужесточать свою власть. При этом его ближайшее окружение составляет небольшая группа представителей политической верхушки страны (см. пункт 20 ниже).

16. Представители правительственных и оппозиционных группировок препятствуют гуманитарному доступу к уязвимым группам населения в некоторых районах страны, а также стремятся изыскать возможности для того, чтобы в условиях углубляющегося экономического кризиса в стране присваивать ресурсы, направляемые в порядке оказания помощи. Основываясь на информации, полученной в ходе обстоятельных бесед с многочисленными независимыми источниками, непосредственно знакомыми с ситуацией, а также на тщательной работе с документами, Группа в настоящем докладе подробно излагает на конкретных примерах различные стратегии и способы создания препятствий на пути

[1] Текст соглашения размещен на веб-сайте https://igad.int/attachments/article/1731/1712%2021%20Signed%20CoH%20Agreement.pdf, accessed on 9 March 2018.

обеспечения доступа к гуманитарной помощи. Группа также рассматривает проблемы, связанные с эксплуатацией тиковых лесов и введением незаконных сборов в целях решения новых военных задач.

17. Военные поставки оппозиционным группами по-прежнему носят ограниченный характер, и благодаря этому соотношение сил сохраняется в пользу правительства, что дает ему веские основания для того, чтобы делать ставку на военное решение, а не на урегулирование конфликта путем переговоров. Командование и управление оппозиционными группами, как и прежде, осуществляют главным образом представители высшего руководства, чьи решения и политика определяют характер и направленность этого конфликта.

III. Препятствия на пути осуществления усилий в целях достижения мира и примирения

A. Соотношение сил в составе Переходного правительства национального единства

18. В отсутствие Риека Машара на политической арене Южного Судана главными действующими лицами остаются президент Салва Киир и первый вице-президент Табан Денг Гаи. Распределение властных полномочий между двумя лидерами составляет основу основ Переходного правительства национального единства, поскольку остальные фигуры на нынешнем политическом ландшафте являются второстепенными. Отношения между двумя лидерами, однако, стали своего рода альянсом по расчету, который сформировался, главным образом, благодаря прилагаемым ими усилиям для защиты своих экономических интересов и их общим политическим схемам, призванным не допустить участия Машара в мирном соглашении и тем самым сохранить нынешний политический статус-кво[2].

19. После октября 2017 года, когда среди представителей различных партий в составе Переходного правительства национального единства возникли разногласия относительно формата проведения ИГАД консультаций в преддверии создания форума (подробнее см. S/2017/979, раздел III.A), недоверие между партиями углубилось[3]. Представители Народно-освободительного движения Судана (НОДС) (бывшие заключенные) в Переходном правительстве национального единства были еще дальше оттеснены от реальных дел, а позиции их были подорваны с намерением ограничить их возможности в плане выполнения своих функций, при этом Табан Денг Гаи испытывает на себе огромное давление, поскольку ему требуется доказать свою значимость в структуре власти и продемонстрировать верность президенту Кииру[4].

---

[2] Беседы с конфиденциальными источниками Организации Объединенных Наций в Джубе, многочисленными высокопоставленными южносуданскими политиками в Найроби, а также многочисленными южносуданскими политическими деятелями в Кампале, январь 2018 года.

[3] Как сообщалось в материале, который был опубликован выходящей на арабском языке газетой «Аль-Могиф» по итогам интервью с министром информации Майклом Маквеем, министр заявил, что правительство хочет, чтобы министр иностранных дел Денг Алор, представляющий в правительстве фракцию НОДС (бывшие заключенные), ушел в отставку, поскольку он якобы занимался лоббистской деятельностью против правительства. См. Radio Tamazuj, “Government wants foreign minister Deng Alor to resign”, 19 February 2018, available from https://radiotamazuj.org/en/news/article/government-wants-foreign-minister-deng-alor-to-resign, accessed on 2 March 2018.

[4] Беседы с конфиденциальными источниками Организации Объединенных Наций в Джубе, многочисленными высокопоставленными южносуданскими политиками в Найроби, а

20. Президент Киир продолжает ужесточать свой контроль над правительством, увольняя тех, кого воспринимают как угрозу его пребыванию у власти[5]. При этом его ближайшее окружение составляет небольшая группа верных сторонников жесткого курса, представляющих политическую верхушку страны, в числе которых генерал-лейтенант Акол Кур Кук (Национальная служба безопасности) и такие жесткие политики, как министр по делам кабинета министров Мартин Элиа Ломоро, министр информации Майкл Маквей и другие официальные лица, чьи политические и экономические интересы прочно завязаны на экономику, которая развивается преимущественно в военном русле. Бывшие основные союзники президента Киира, в частности генерал Пол Малонг Аван, бывший начальник Генерального штаба Народно-освободительной армии Судана (НОАС), проиграли в развернувшейся борьбе за власть более близким союзникам президента, например Аколу Куру Куку, директору Службы национальной безопасности. Для укрепления власти принимаются краткосрочные меры, призванные сохранить статус-кво и позволить лицам, занимающим высшие государственные посты, как можно дольше иметь возможность удовлетворять свои экономические и политические интересы[6].

21. Из-за разлада между президентом Кииром и генералом Малонгом у правительства стало меньше возможностей в плане мобилизации этнических ополченцев из района Авейл в Северном Бахр-эль-Газале, где в основном сосредоточены сторонники Малонга, а президент, к тому же, частично лишился поддержки своих военных и этнических сторонников. Хотя генерал Малонг остается в изгнании, напряженность в отношениях между этими двумя влиятельными представителями динка углубила раскол между общинами динка в Авейле и Варрабе. Динка в Авейле, сочувствующие Малонгу, выступают против президента и полагают, что его уход является для их этнической группы единственным способом сохранить доверие поддерживающих ее власть сторонников в стране[7].

22. Президент Киир по-прежнему считает, что Машар представляет угрозу для его пребывания у власти, так же как и Табан считает возвращение Машара опасным для своей роли в правительстве. В результате у обоих лидеров возник общий интерес в том плане, чтобы изолировать Машара, и они в штыки воспринимают любую перспективу его участия в любом мирном соглашении. В силу «антимашаровской» позиции правительства и первого вице-президента Табана Денга у некоторых заинтересованных сторон в рамках мирного процесса сложилось впечатление, что если международное сообщество будет настаивать на возвращении Риека Машара, то правительство и первый вице-президент могут отказаться от сотрудничества в реализации усилий международного сообщества[8].

также многочисленными южносуданскими политическими деятелями в Кампале, январь 2018 года.

[5] Были освобождены от занимаемых должностей генерал Пол Малонг Аван и его союзники, в том числе посол Южного Судана в Российской Федерации Тилар Ринг Денг и губернатор Восточного Озерного штата Филип Вутчок Бор. В числе прочих уволенных за последнее время — включенный в санкционный список помощник Начальника Сил обороны по вопросам операций генерал-лейтенант Мариал Чануонг, министр финансов Стивен Дьё и несколько губернаторов штатов. Президент Киир осуществляет увольнения представителей правительства на основе президентских указов.

[6] Беседы с конфиденциальными источниками Организации Объединенных Наций в Джубе, многочисленными высокопоставленными южносуданскими политиками в Найроби, а также многочисленными южносуданскими политическими деятелями в Кампале, январь 2018 года.

[7] Беседы с четырьмя высокопоставленными южносуданскими политическими деятелями и двумя молодыми активистами динка в Найроби, 15–17 января 2018 года.

[8] Конфиденциальная беседа с высокопоставленным дипломатом в Джубе, январь 2018 года.

23. Отношения между правительством и международными механизмами мониторинга, а также ключевыми государствами региона и крупными донорами (особенно Соединенными Штатами) существенно ухудшились. В рамках своего взаимодействия с международным сообществом правительство воспринимает любую попытку привлечь к участию оппозицию или применить штрафные санкции (например, введение Соединенными Штатами 2 февраля 2018 года одностороннего оружейного эмбарго)[9] как подрыв собственной легитимности. Стремясь оправдать утверждения о пристрастности внешних сторон, государственные деятели преувеличивают значимость несущественных разногласий с международными партнерами и региональными механизмами наблюдения. Вследствие этого активизируется осуществляемая государственными сторонниками жесткого курса пропаганда, направленная против международных усилий и механизмов наблюдения, в первую очередь таких, как Объединенная комиссия по наблюдению и оценке, Механизм наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности и Миссия Организации Объединенных Наций в Южном Судане (МООНЮС)[10].

24. В авангарде пропагандистской машины правительства находятся ключевые союзники президента, включая Мартина Элиа Ломоро — гражданина Великобритании/Южного Судана, который в настоящее время занимает пост министра по делам кабинета министров. В ходе первого этапа форума высокого уровня по активизации действий Ломоро пытался бросить тень на этот процесс, выдвигая в качестве аргумента то, что правительство не поддержало доклад, который был представлен по итогам организованных в преддверии форума консультаций, послуживших основой для его проведения. Когда такой подход не оправдал себя, он стал придерживаться тактики «красного стоп-сигнала», название которой он сам и придумал и которая предусматривает запрет на обсуждение неугодных ему тем. Из-за непримиримой жесткой позиции Ломоро форуму было сложно выполнить стоявшие перед ним задачи[11]. Усилия правительства в целях ограничения свободы выражения мнений, включая свободу печати, возглавляет министр информации Майкл Маквей[12]. Третьим в этой категории является Акол Кур Кук, руководитель Национальной службы безопасности. Именно его организация несет ответственность за совершение самых разных злодеяний и создание препятствий для доступа к гуманитарной помощи на всей территории страны[13].

25. В свою очередь, первый вице-президент Табан сосредоточил свои усилия на том, чтобы добиться военных успехов в районах, контролируемых Народно-освободительной армией Судана в оппозиции (НОАС (оппозиция)) (в том числе в Паниджаре, Акобо и Пагаке), и подорвать политическое влияние Риека Машара, представив бывшего первого вице-президента в глазах общественности

[9] US Arms Restrictions on South Sudan, https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/02/277849.htm, accessed on 9 March 2018

[10] Беседы с двумя бывшими правительственными чиновниками в Найроби и высокопоставленным конфиденциальным источником в Джубе, январь 2018 года.

[11] Беседы с многочисленными участниками форума высокого уровня по активизации действий, Найроби и Кампала, январь 2018 года.

[12] Подробный отчет об ограничении свободы выражения мнений в стране см. в докладе МООНЮС “Report on the right to freedom of opinion and expression in South Sudan, since the July 2016 crisis” (February 2018), available from https://unmiss.unmissions.org/sites/default/files/unmiss-ohchr_freedom_of_expression_report_-_final_amendment_26_feb_2018.pdf.

[13] Беседы с многочисленными конфиденциальными источниками в Джубе и Найроби, январь 2018 года.

как человека, который не может работать с президентом Кииром и которому поэтому не следует вновь входить в состав Переходного правительства[14]. Преследуя эти цели, возглавляемая Табаном фракция НОАС (оппозиция) нарушила существующее соглашение о прекращении боевых действий и расширила масштабы военных операций в районах, находящихся под контролем оппозиции. Несмотря на подписанное 21 декабря 2017 года Соглашение о прекращении боевых действий, 3 января 2018 года Табан приказал развернуть войска в северной части Джонглея[15], предприняв попытку проецирования военной и политической силы в преддверии второго раунда форума высокого уровня по активизации действий в Аддис-Абебе[16]. Этот шаг представляет собой нарушение духа и буквы Соглашения о прекращении боевых действий, подписанного менее чем месяцем ранее.

26. Хотя благодаря приложенным усилиям Табану удалось постепенно усилить свое политическое и военное влияние в отдельных районах страны, поддержка, которой он располагает, не улучшила его перспектив с точки зрения ослабления влияния Машара в контексте политической жизни страны и среди этнических нуэров[17]. Поддержку себе Табан обеспечил за деньги, теперь требуются ресурсы, чтобы ее не лишиться, и это лишний раз объясняет его роль в экономике, развивающейся преимущественно в военном русле[18]. К тому же, приложенных Табаном усилий оказались недостаточно, чтобы расположить к нему основных сторонников жесткого курса в правительстве, которые по-прежнему с настороженностью воспринимают его действия и намерения[19]. Несмотря на расхожее среди оппозиционных групп представление о том, что президент Киир использует Табана, первый вице-президент, безусловно, и сам использует ситуацию в своих интересах, чтобы получить место на политической арене, обогатиться и пропагандировать себя как человека, способного выполнить свое обещание бороться с оппозицией[20].

B. Фрагментарность военно-политического ландшафта

27. О сохраняющейся фрагментарности военно-политического ландшафта в Южном Судане можно судить по увеличению числа оппозиционных групп. Прежде, чем некоторыми сторонами в последнее время были предприняты попытки сформировать альянс, завершившиеся созданием в марте 2018 года Оппозиционного альянса Южного Судана, отсутствие единого оперативного командования привело к борьбе между оппозиционными группами за военно-политическое влияние возглавляемой Машаром группировки НОАС (оппозиция).

---

[14] Беседы с многочисленными участниками форума высокого уровня по активизации действий и со связанным с правительством высокопоставленным южносуданским политическим деятелем в Найроби, январь 2018 года.

[15] См. пресс-релиз Механизма наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности, 17 января 2018 года. URL: http://ctsamm.org/wp-content/uploads/2018/01/CTSAMM-Press-Release-_January-17-2018.pdf.

[16] Беседы с многочисленными конфиденциальными источниками в Джубе, 24 января 2018 года.

[17] Беседы с конфиденциальными источниками Организации Объединенных Наций в Джубе и с высокопоставленным южносуданским политиком в Найроби, 20 января 2018 года.

[18] Беседы с южносуданскими источниками в Найроби и Кампале, ноябрь 2017 года и январь 2018 года.

[19] Беседы с высокопоставленными южносуданскими источниками в Найроби, январь 2018 года.

[20] Беседы с конфиденциальными источниками Организации Объединенных Наций в Джубе и с высокопоставленным южносуданским политиком в Найроби, январь 2018 года.

В отдельных частях Большой Экватории Национальный фронт спасения, возглавляемый генералом Томасом Сирилло, понес тяжелые потери в ходе столкновений с силами НОАС и силами Машара и, несмотря на ряд случаев дезертирства высоких военных чинов из НОАС (оппозиция), Национальный фронт спасения имеет ограниченное военное присутствие на местах.

28. Представители некоторых оппозиционных группировок, с которыми беседовали члены Группы, причину своей неспособности объединиться видели в нежелании Машара рассмотреть возможность того, чтобы либо привлечь других на свою сторону, либо отказаться от своих амбиций и присоединиться к другим оппозиционным силам. Так, по их утверждениям, единственный раз, когда Машар согласился выступить единым фронтом с другими оппозиционными группами, имел место в ходе первого раунда форума высокого уровня по активизации действий в Аддис-Абебе, когда остальные группы коллективно обратились с просьбой разрешить Машару выехать из Южной Африки, с тем чтобы он мог принять участие в переговорах. Джозеф Бакосоро, бывший губернатор Западного Экваториального штата, сообщил Группе: «Машар всегда хочет, чтобы другие присоединялись к нему. Он никогда не рассматривает ситуацию, если она требует от него пойти на компромисс, чтобы сформировать единый оппозиционный фронт»[21]. Однако отсутствие у оппозиционных групп ресурсов для того, чтобы они могли самостоятельно проводить операции против правительства, ослабило их и позволило в значительной степени удерживать соотношение сил в пользу правительства[22]. Успехи же, достигнутые правительством, в свою очередь, укрепили его убежденность в военной победе над оппозицией[23].

29. Как сообщалось в промежуточном докладе Группы от 20 ноября 2017 года (S/2017/979), для группировки Машара одним из ключевых элементов при принятии решений и в контексте участия в региональных процессах остается возвращение ее лидера из Южной Африки. В ходе первого этапа форума высокого уровня по активизации действий представители Машара стремились поставить подписание Соглашения о прекращении боевых действий в зависимость от освобождения своего лидера[24]. Беседовавшие с членами Группы представители НОАС (оппозиция) под командованием Машара истолковывают отсутствие своего лидера как знак того, что регион все еще не готов добиваться мирного урегулирования конфликта, несмотря на создание форума высокого уровня по активизации действий[25]. Регион до сих пор не принял решения о возвращении Машара, хотя другие оппозиционные группы требуют его возвращения[26].

[21] Беседа с Джозефом Бакосоро в Кампале, январь 2018 года.

[22] Беседа с конфиденциальными источниками Организации Объединенных Наций, Джуба, январь 2018 года.

[23] Беседы с многочисленными южносуданскими политическими деятелями и высокопоставленным дипломатом в Найроби, январь 2018 года.

[24] Беседы с тремя южносуданскими политическими деятелями в Найроби, январь 2018 года.

[25] Беседы с многочисленными лидерами НОАС (оппозиция) в Кампале, 2 января 2018 года.

[26] В своем коммюнике от 26 марта 2018 года Совет министров ИГАД постановил освободить Риека Машара из-под домашнего ареста в Южной Африке. См. https://reliefweb.int/report/south-sudan/communiqu-61st-extra-ordinary-session-igad-council-ministers-situation-south.

C. Усиление противоборства на почве межэтнических противоречий

30. Этническая принадлежность остается основным мобилизующим инструментом для воюющих сторон в Южном Судане, и со времени представления промежуточного доклада Группы этнический аспект конфликта ничуть не утратил своей актуальности. Напряженность в отношениях между динка и нуэрами, изначально приведшая к разгоранию конфликта, по-прежнему велика, особенно в силу того, как в стране воспринимается отсутствие Машара. Остается высокой и напряженность в отношениях между динка и другими племенами, в частности жителями Экваториальных штатов.

31. Внутриэтнические раздоры особенно обострились среди представителей народностей нуэр и динка. Если говорить о нуэрах, то из-за углубляющихся разногласий между Риеком Машаром и первым вице-президентом Табаном Денгом некоторые общины остаются разделенными на два лагеря, и это в первую очередь касается общины лу-нуэр в штате Джонглей. В результате напряженности в отношениях между президентом Салвой Кииром и бывшим начальником Генерального штаба Полом Малонгом усиливаются и распри в самих общинах динка и между ними. Генерал Малонг был уволен в мае 2017 года и в течение семи месяцев находился под домашним арестом в Джубе, прежде чем ему было разрешено выехать в ноябре 2017 года в Кению. Сторонники Малонга, в том числе посол страны в Российской Федерации Тилар Ринг Денг, впоследствии были выведены из состава правительства ввиду их связи с бывшим начальником Генерального штаба[27].

32. С момента начала конфликта динка мобилизуют свои силы вокруг идеи гегемонии динка и удержания власти под их контролем. Однако на сплоченность внутри динка негативно повлияли концентрация власти в руках президента Киира, нехватка ресурсов для обслуживания существующих сетей, покровительствующих представителям этого племени, а также увольнение с занимаемых должностей основных приверженцев этих идей, в частности Малонга[28]. Усилились раздоры в общинах динка в Боре, Авейле и Варрабе. Сознавая потенциальный ущерб, который способны причинить разногласия внутри общин динка, некоторые высокопоставленные члены Совета старейшин динка попытались не допустить обострения ситуации.

D. Рост региональной напряженности

33. Южный Судан находится в центре ряда напряженных ситуаций в регионе, что имеет колоссальные последствия для его двусторонних отношений и в плане участия государств региона в его делах. Во-первых, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия ищут военных союзников в районе Красного моря в связи с кризисом в Заливе, затрагивающим Катар, а также в связи с конфликтом в Йемене[29]. Создание новых альянсов отрицательно сказалось на двусторонних отношениях между некоторыми странами в районе Африканского Рога, в том числе между Египтом и Суданом. Напряженность в отношениях

[27] Беседы с бывшим генералом НОАС и двумя высокопоставленными политическими деятелями в Найроби, январь 2018 года.

[28] Беседы с высокопоставленными южносуданскими политическими деятелями, 20 января 2018 года.

[29] См. например, *Africa Confidential*, “Rival Arab powers take their fight to Africa” (9 February 2018), available from https://www.africa-confidential.com/article/id/12234/Rival_Arab_powers_take_their_fight_to_Africa.

между двумя странами усилилась из-за спорной территории Халаибского треугольника, турецкого влияния на острове Суакин, а также из-за проведения разной политики в отношении организации «Братья-мусульмане»[30]. Потепление в отношениях между Эритреей и Египтом и, как следствие, ощущение того, что Эритрея создает угрозу как для Судана, так и для Эфиопии, способствовало усилению напряженности между Суданом и Эритреей. В декабре 2017 года Судан объявил чрезвычайное положение сроком на шесть месяцев в своих районах, граничащих с Эритреей (в штатах Северный Кордофан и Кассала), а в январе 2018 года расширил свое военное присутствие в этих районах после сообщений о присутствии египетского воинского подразделения на эритрейской базе Сава[31].

34. Вторым источником напряженности является строительство «Плотины великого возрождения Эфиопии». После трехсторонней встречи между Египтом, Суданом и Эфиопией, состоявшейся на полях саммита Африканского союза в январе 2018 года, эти три страны заявили, что разногласий по проекту между ними более не существует[32]. Несмотря на эти заверения, напряженные отношения между Эфиопией и Египтом, как сообщалось в промежуточном докладе Группы (S/2017/979), сохраняются, равно как сохраняется и озабоченность Эфиопии по поводу возможного саботажа строительства плотины со стороны Эритреи. Соперничество, связанное с возведением плотины, привело к поляризации региональных альянсов: с одной стороны, все активнее сотрудничают Египет, Уганда, Эритрея и Южный Судан, а с другой — Судан и Эфиопия[33].

35. В регионе велика также роль конкуренции между Кенией, Угандой и Эфиопией за влияние в Южном Судане, которое для них является одним из средств защиты своих национальных интересов. Обусловленная этой конкуренцией напряженность объясняет отсутствие регионального консенсуса в отношении кризиса в Южном Судане, а также противоборствующий характер региональных процессов в регионе.

36. В условиях роста напряженности Южный Судан стал ареной региональной конкуренции, поскольку различные страны стремятся повлиять на статус-кво в Джубе, исходя из своих национальных интересов[34]. Уганда поддержала правительство Сальвы Киира и возглавила усилия, призванные обеспечить воссоединение НОДС в качестве средства продвижения на пути к проведению выборов в

---

[30] Напряженность в отношениях между этими двумя странами стала очевидной, когда Судан в адресованном Организации Объединенных Наций письме в декабре 2017 года опротестовал заявление Египта о суверенитете над Халаибом и в январе 2018 года отозвал своего посла в Египте для проведения консультаций.

[31] Сообщения о присутствии в Эритрее египетского воинского подразделения впервые были переданы «Аль-Джазирой» 2 января 2018 года, а затем, 4 января 2018 года, организацией «Мидл ист монитор». См. https://www.middleeastmonitor.com/20180104-uae-backed-egyptian-forces-arrive-in-eritrea, accessed 21 January 2018.

[32] Как сообщается, на пресс-конференции, состоявшейся после завершения совещания, президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси заявил, что «никакого кризиса не существует». См. www.egypttoday.com/Article/1/41352/Sisi-re-assures-after-GERD-summit-No-country-will-be, accessed on 2 February 2018; и www.egyptindependent.com/no-crisis-between-egypt-sudan-and-ethiopia-sisi/, accessed on 2 February 2018.

[33] Укрепились военные отношения между Суданом и Эфиопией, а также отношения между Эритрей и Египтом. Начальник Генштаба Эфиопии посетил Хартум в августе 2017 года, а генерал-лейтенант Эмад ад-Дин Мустафа Адауи, начальник Генштаба Судана, в свою очередь, побывал в Аддис-Абебе в январе 2018 года, спустя несколько дней после закрытия границы Эфиопии с Эритреей. Президент Эритреи Исайяс Афеворки также побывал с двухдневным визитом в Каире в январе 2018 года, в ходе которого обсуждались вопросы, касавшиеся двусторонних отношений и событий в бассейне реки Нил.

[34] См. промежуточный доклад Группы (S/2017/979), в котором обсуждаются национальные интересы различных стран.

Южном Судане. Судан и Эфиопия продолжали оказывать поддержку форуму высокого уровня по активизации деятельности. Египет активизировал деятельность в регионе, особенно в Южном Судане[35], что является свидетельством его попытки защитить свои давние интересы, связанные с Нилом, а также свидетельством сохраняющейся напряженности в его отношениях с Эфиопией в связи со строительством «Плотины великого возрождения Эфиопии».

37. Египту представляется возможным подорвать давнее влияние и интересы Эфиопии в Южном Судане, в чем ему готов активно способствовать президент Уганды Мусевени, который рассматривает Эфиопию как политического соперника в борьбе за влияние в регионе[36]. В ноябре 2017 года Египет и Уганда перебазировали процесс воссоединения НОДС из Кампалы в Каир и совместными усилиями организовали встречу между НОДС (бывшие заключенные) и правительством Южного Судана. Тем самым Египет и Уганда ослабили позиции организованного под руководством ИГАД форума высокого уровня по активизации деятельности — процесса, движущей силой которого, по мнению обеих стран, является Эфиопия[37]. Южный Судан также важен для Египта при поиске альтернативных источников водных ресурсов, и в этом контексте следует упомянуть о возможном строительстве Джонглейского канала, который позволит увеличить приток воды в Нил. Стремление Южного Судана стать ближе к Лиге арабских государств есть свидетельство растущего влияния Каира в Джубе и его роли в качестве регионального партнера в вопросах политики и безопасности. Если Южный Судан присоединится к Лиге арабских государств, он станет единственной в составе этой организации страной, большинство жителей которой не являются мусульманами.

38. Внутригосударственные проблемы, возникающие в странах региона, также осложняют их усилия, нацеленные на активное взаимодействие по вопросам, касающимся Южного Судана, и облегчают распространение последствий южносуданского кризиса в регионе. Кения, например, помимо содействия встрече оппозиционных групп в Ньяхуруру с целью помочь им выработать общую позицию, не возглавила ни одной крупной мирной инициативы и не участвовала в региональных процессах по Южному Судану, поскольку занимается в первую очередь своими внутренними делами[38]. Учитывая ведущую роль Эфиопии в ИГАД, ее нынешние внутригосударственные трудности и уход в отставку в феврале 2018 года премьер-министра Хайлемариама Десаленя являются важными событиями, которые повлияют на направленность ее двусторонних отношений с Южным Суданом. То, как будет развиваться ситуация в Эфиопии, отразится и на степени вовлеченности ИГАД в работу с Южным Суданом в целом, поскольку Эфиопии принадлежит ведущая роль в этом региональном органе.

[35] Южный Судан и Египет подписали меморандум о взаимопонимании в целях создания механизма политических консультаций между двумя странами в марте 2018 года.

[36] Конфиденциальная беседа с высокопоставленным официальным должностным лицом Уганды, Кампала, февраль 2018 года.

[37] Беседы со многими южносуданскими политическими деятелями в Найроби, январь 2018 года.

[38] Конфиденциальная беседа с источником в правительстве Кении и многочисленными лидерами групп южносуданской оппозиции, Найроби, ноябрь 2017 года и январь 2018 года.

IV. Нарушения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека

39. По итогам бесед с жертвами, свидетелями и многочисленными независимыми лицами, непосредственно столкнувшимися с такими нарушениями, а также по итогам тщательного обзора документов Группа пришла к выводу о том, что после опубликования промежуточного доклада Группы (S/2017/979) в ноябре 2017 года крупномасштабные нарушения применимых норм международного права прав человека и международного гуманитарного права продолжаются в условиях почти полной безнаказанности. Согласно международному праву прав человека, правительство несет главную ответственность за защиту гражданского населения своей страны от нарушений прав человека и привлечение к ответственности за соответствующие совершенные нарушения. Однако именно правительственные силы безопасности в подавляющем большинстве случаев виновны в совершении таких нарушений и, следовательно, представляют главную угрозу для населения, которое они обязаны защищать. Руководство страны не смогло предотвратить эти нарушения или наказать лиц, виновных в их совершении, либо лиц командного состава, и тем самым способствовало атмосфере безнаказанности, которая ведет к совершению новых и еще более жестоких, зверских преступлений против гражданского населения[39].

40. Нарушения применимых норм международного права, имевшие место в Южном Судане, включали внесудебные казни; пытки; произвольные аресты и задержания; насильственные исчезновения; ограничения свободы печати; нарушения права на свободу мнений и их свободное выражение; принудительное перемещение населения; нападения на гуманитарный персонал и воспрепятствование оказанию гуманитарной помощи; ограничения свободы передвижения; притеснения и запугивания с целью посеять страх; избиения и другие формы жестокого обращения; подстрекательство к насилию и разграбление и уничтожение источников средств к существованию, домов, больниц и школ. Согласно результатам проведенного Группой анализа, все стороны прибегали в качестве тактики ведения войны к связанному с конфликтом сексуальному насилию, включая изнасилования и групповые изнасилования, и этот вид насилия остается одной из главных отличительных черт конфликта (см. приложение II к настоящему докладу). По-прежнему имеют место и серьезные нарушения в отношении детей, включая использование и вербовку детей[40].

A. Нападения на гражданских лиц, совершаемые на почве межплеменных противоречий

41. Гражданские лица, не принимающие активного участия в боевых действиях, продолжают оставаться объектом целенаправленных нападений, совершаемых по признаку племенной или политической принадлежности в рамках

[39] По данным из конфиденциальных источников Организации Объединенных Наций, правительству практически не удалось продвинуться вперед в проведении расследований и в деле привлечения к ответственности отдельных лиц и командиров, виновных в совершении злоупотреблений в отношении гражданских лиц. См. также A/HRC/37/71, пункт 29, и www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=22691&LangID=E.

[40] Многочисленные беседы членов Группы с персоналом МООНЮС и учреждений Организации Объединенных Наций, жителями Южного Судана, работниками гуманитарных организаций, исследователями, занимающимися вопросами прав человека, и источниками в дипломатических кругах в Джубе, Найроби, Кампале, Нью-Йорке и Лондоне, а также беседы по телефону в период с июля 2017 года по февраль 2018 года.

военных операций. По состоянию на конец 2016 года многие органы Организации Объединенных Наций выразили обеспокоенность в связи с усилением этнической составляющей конфликта[41]. По словам Специального советника по предупреждению геноцида Адамы Дьенга, в стране существует серьезная угроза эскалации насилия на почве межэтнических распрей, «которая может перерасти в геноцид». Он также отметил, что, хотя пока это и не так, но «геноцид — это процесс, (и) он не случится в одночасье»[42]. В феврале 2018 года канцелярия Специального советника проинформировала членов Группы о том, что на протяжении 2017 года она наблюдала те же ужасающие последствия для гражданского населения, что и в 2016 году, что, по ее оценкам, опасность геноцида и других особо жестоких преступлений по-прежнему высока и что она пришла к выводу о том, что этнические разногласия еще более усилились[43]. Так, например, канцелярия наблюдала, что с ноября 2017 года продолжаются боевые действия между НОАС и силами оппозиции в регионе Большая Экватория, в нескольких районах штата Большой Верхний Нил и в некоторых районах штата Западный Бахр-эль-Газаль, которые приводят к огромным жертвам среди гражданских лиц и к перемещению населения.

42. Насилие на почве межэтнических раздоров в регионе Большая Экватория не прекращалось на протяжении всего 2017 года, пока НОАС и связанные с нею ополченцы из племени динка продолжали свои операции по очистке территории от оппозиционных сил[44]. Эскалация насилия привела к тому, что в течение 2017 года внутри региона перемещению подверглись порядка 418 000 человек[45] по сравнению с более чем 150 000 в 2015 году[46]. По оценкам, с середины 2016 года на юг через границу с Угандой бежал 1 миллион человек, главным образом из Большой Экватории[47].

43. В регионе Верхнего Нила, который наиболее сильно пострадал в результате конфликта, вспыхнувшего в 2013 году, насилие возобновилось в 2017 году в ходе операций правительственных сил в контролируемых оппозицией районах штатов Джонглей и Верхний Нил[48]. Напряженность в межобщинных отношениях резко обострилась в штате Юнити, когда первый вице-президент Табан Денг попытался распространить влияние своей фракции НОАС (оппозиция) на значительную часть территории этого штата. В ходе одного из нападений, совершенного группировкой НОАС (оппозиция) под командованием Машара

[41] См. S/2017/326, пункты 61–67.

[42] МООНЮС, практически стенографическая запись брифинга для печати в Джубе, 11 ноября 2016 года.

[43] Беседа, проведенная членами Группы по телефону, февраль 2018 года.

[44] Подробную информацию о характере этой операции см. в S/2017/979.

[45] См. карту, отражающую характер перемещения населения, которая находится в Управлении по координации гуманитарных вопросов, Humanitarian Bulletin South Sudan, No. 1 (18 January 2018), available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_180118_OCHA_SouthSudan_Humanitarian_Bulletin01.pdf.

[46] См. Humanitarian Response Plan 2016, available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2016_hrp_SS_Final_WEB.pdf.

[47] Общее число лиц, которые с начала конфликта в 2013 году были вынуждены покинуть родные места, достигло более 4 миллионов, включая 1,9 миллиона внутренне перемещенных лиц, при этом, согласно оценкам, из них до 85 процентов составляют женщины и дети. Более 2 миллионов человек бежали в соседние страны, в том числе 1,3 миллиона — после вспышки насилия в июле 2016 года. Humanitarian Response Plan 2018, available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_2018_HumanitarianResponsePlan.pdf.

[48] В конце 2017 года в Джонглее имела также место напряженность в отношениях между общинами мурле и динка-бор, вследствие которой около 2000 гражданских лиц переселились в деревню Пэйюэл.

26 октября 2017 года в Нимни, округ Гуит, многие мирные жители получили ранения и было сожжено много «тукулов» (круглых домов)[49]. Были разграблены и варварски разрушены помещения, в которых размещались НПО, а также медицинские объекты и пункты питания; было вынужденно приостановлено распределение продовольствия, предназначенного для оказания помощи более чем 1700 гражданам; а МООНЮС провела эвакуацию сотрудников нескольких международных неправительственных организаций[50].

44. 24 декабря 2017 года силы возглавляемой Машаром группировки НОАС (оппозиция) совершили нападение на контролируемый правительством город Коч в штате Юнити, нарушив Соглашение о прекращении боевых действий. Пятнадцать человек, в том числе трое детей, были убиты, 26 человек получили ранения и было похищено 50 голов крупного рогатого скота[51]. В результате боевых действий 14 сотрудников гуманитарных организаций были эвакуированы[52].

45. Приезд первого вице-президента Табана Денга на север штата Джонглей в середине января 2018 года также стал причиной боестолкновений между НОАС и НОАС (оппозиция) под командованием Машара на всей территории округов Акобо и Ньирол. К концу января в результате боевых действий более 9000 мирных жителей перебрались в Акобо[53], а еще 4000 — в Эфиопию[54]. С учетом сложившейся в этом районе небезопасной обстановки МООНЮС в конце января 2018 года объявила, что для обеспечения защиты гражданского населения в город Акобо будут регулярно направляться силы по поддержанию мира[55]. Механизм наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности в настоящее время проводит расследования в целях выяснения, было ли нарушено Соглашение о прекращении боевых действий и кем[56].

---

[49] Несколько конфиденциальных источников Организации Объединенных Наций и гуманитарных организаций.

[50] South Sudan: Humanitarian Access Snapshot (October 2017), available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_20171114_Access_Snapshot_October_final.pdf.

[51] Доклад Механизма наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности о нарушениях Соглашения о прекращении боевых действий: бои в Коче (15 января 2018 года), URL: http://ctsamm.org/wp-content/uploads/2018/01/CTSAMM-REPORT-201805-FIGHTING-IN-KOCH.pdf.

[52] Агентство Соединенных Штатов по международному развитию, Южный Судан — кризис (16 января 2018 года), URL: www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/(01.16.18_-_USAID-DCHA_South_Sudan_Crisis_Fact_Sheet_3.pdf.

[53] Некоторые также бежали в пункт защиты гражданского населения, организованный в Боре. Различные конфиденциальные источники Организации Объединенных Наций и гуманитарные организации. См. также https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_1802020_OCHA_SouthSudan_Humanitarian_Bulletin02.pdf.

[54] В период с 15 декабря 2017 года по 15 января 2018 года (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев).

[55] Брифинг для средств массовой информации Дэвида Ширера, Специального представителя Генерального секретаря и главы Миссии Организации Объединенных Наций в Южном Судане, 24 января 2018 года, URL: https://unmiss.unmissions.org/near-verbatim-transcript-media-briefing-special-representative-secretary-general-united-nations-and.

[56] Пресс-релиз Механизма наблюдения за прекращением огня и переходными мерами обеспечения безопасности, 17 января 2018 года, URL: http://ctsamm.org/ctsamm-launches-an-investigation-in-jonglei/.

B. Нарушения прав ребенка

46. Дети в наибольшей степени страдают от насилия в Южном Судане: каждый второй ребенок непосредственно затронут конфликтом[57]. В настоящее время дети гибнут, получают ранения, голодают, подвергаются перемещению, принудительной вербовке, болеют и не имеют возможности нормально посещать школу. Из 7 миллионов жителей страны, которые, по оценкам, нуждаются в гуманитарной помощи в 2018 году, 60 процентов, или 4,2 миллиона человек, — это дети в возрасте до 18 лет[58]. Показатели недоедания достигли рекордно высокой отметки: по состоянию на начало 2018 года, несмотря на то, что это время сбора урожая, по всей стране порядка 5,3 миллиона человек испытывают острую нехватку продовольствия, а это почти половина общей численности населения, и с января 2017 года показатель увеличился на 40 процентов[59]. Более 1,1 миллиона детей в возрасте до пяти лет в 2018 году страдают от недоедания, в том числе почти 300 000 страдают от недоедания в острой форме и, следовательно, для них высока вероятность умереть[60]. Основной причиной плохого состояния здоровья детей в возрасте до пяти лет является то, что они болеют малярией, которая поддается профилактике[61].

1. Нападения на школы

47. Общая небезопасная обстановка продолжает пагубно сказываться на работе системы образования на всей территории страны: в 2017 году более 40 процентов школ были по-прежнему закрыты. Одна треть из тех школ, которые продолжали работать, сообщили по крайней мере об одном нападении на них с начала 2017 года; в большинстве случаев вооруженные нападавшие совершали хищения и грабили имущество. В 2017 году в Южном Судане была уже второй год подряд зарегистрирована самая большая в мире процентная доля детей, не посещающих школу.

2. Использование детей в качестве солдат

48. Детей, как правило, похищают и вынуждают вступать в ряды воюющих сил, и, таким образом, они оказываются как жертвами серьезных нарушений прав человека, так и субъектами, их совершающими. НОАС и группировка НОАС (оппозиция) под командованием Машара подписали с Организацией Объединенных Наций в 2012 году и в 2015 году соответственно планы действий по прекращению и предотвращению вербовки и использования детей. В деле выполнения сторонами взятых на себя в этих соглашениях обязательств был до-

[57] UNICEF briefing note, “Childhood under attack: The staggering impact of South Sudan’s crisis on children” (December 2017), available from www.unicef.org/southsudan/UNICEF_South_Sudan_Report_Childhood_under_Attack_15Dec_FINAL.pdf.

[58] Всего в стране 5,8 миллиона детей. UNICEF, “Humanitarian Action for Children, 2018”, available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/2018-HAC-South-Sudan.pdf.

[59] Если не будет обеспечено оказание гуманитарной помощи на стабильной основе, то с мая 2018 года 7,1 миллиона человек, или почти две трети всего населения страны, могут столкнуться с острым дефицитом продовольствия, в том числе 155 000 человек будут голодать. См. www.ipcinfo.org/ipcinfo-detail-forms/ipcinfo-news-detail/en/c/1103987/.

[60] Совместный пресс-релиз Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, ЮНИСЕФ и Всемирной продовольственной программы, 6 ноября 2017 года, URL: www.fao.org/news/story/en/item/1051247/icode/.

[61] UNICEF, “Humanitarian Action for Children, 2018”, см. примечание 57 выше.

стигнут некоторый прогресс: 1755 детей были выведены из состава вооруженных групп в 2015 году[62], 179 — в 2016 году[63] и, совсем недавно, в феврале 2018 года, 311 детей были демобилизованы в Ямбио[64]. Однако в декабре 2017 года Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) сообщил о том, что с начала войны вооруженными группами было завербовано более 19 000 детей[65]. Эти цифры свидетельствуют о том, что вербовка ведется ускоренными темпами, если учесть, что к 2015 году было завербовано в общей сложности 16 000 детей[66], а к 2016 году — 17 000[67]. В настоящее время присутствие детей-солдат было подтверждено в штатах Западный Бахр-эль-Газаль, Центральная Экватория и Джонглей. Принимаются меры для проверки сообщений о наличии детей-солдат в Западном Экваториальном штате и в штатах Юнити и Верхний Нил[68].

49. В округе Гуит, родном округе первого вице-президента Табана Денга в штате Юнити, в 2017 году по меньшей мере пять учителей и три подрядчика, нанятых одной из гуманитарных организаций для строительства учебных помещений, были насильственно мобилизованы в ряды группировки НОАС (оппозиция), возглавляемой Табаном. Одному подрядчику два дня спустя удалось бежать и пешком добраться до пункта защиты гражданского населения в Бентиу; на его теле были видны следы пыток. Местонахождение других мужчин в настоящее время неизвестно[69]. Представители правозащитных и гуманитарных организаций, с которыми беседовали члены Группы, доподлинно подтвердили, что группировка НОАС (оппозиция) во главе с Табаном вербует и использует детей[70]. По меньшей мере 590 детей-солдат заставили в 2017 году вступить в ряды

---

[62] Они были выведены из состава группировки «Кобра» Демократического движения/армии Южного Судана, причем 13 процентов из них составляли дети младше 13 лет.

[63] Из 179 детей 120 были выведены из состава группировки «Кобра» Демократического движения/армии Южного Судана, 25 — из рядов группировки НОАС (оппозиция) под командованием Риека Машара в округе Пибор и 34 — из рядов правительственных сил безопасности в штате Юнити. UNICEF, Release and reintegration: children associated with armed forces and armed groups (December 2017), available from www.unicef.org/southsudan/CAAFAG_Brief_December_2017.pdf.

[64] В рамках этой инициативы в общей сложности 700 детей прошли проверку и были зарегистрированы для целей поэтапной демобилизации: 563 — для вывода из состава Национально-освободительного движения Южного Судана и 137 детей, связанных с НОАС (оппозиция). См. пресс-релиз МООНЮС от 7 февраля 2018 года, URL: https://unmiss.unmissions.org/unmiss-welcomes-release-hundreds-former-child-soldiers-yambio.

[65] UNICEF briefing note, см. примечание 56 выше.

[66] UNICEF, “Situation assessment of women and children in South Sudan, 2015”, available from www.unicef.org/appeals/files/UNICEF_South_Sudan_Situation_Assessment_of_Children_and_Women_2015.pdf.

[67] UNICEF press release, “Rise in child recruitment as conflict in South Sudan enters fourth year”, 15 December 2016, available from www.unicef.org/southsudan/media_20493.html.

[68] Report of the Ceasefire and Transitional Security Arrangements Monitoring Mechanism on child soldiers (15 January 2018), available from http://ctsamm.org/wp-content/uploads/2018/01/CTSAMM-REPORT-201802-CHILD-SOLDIERS.pdf.

[69] Четыре нанятых этой организацией учителя были насильно завербованы в октябре 2016 года и направлены прямо на передовую в Лере. Конфиденциальные документы, приобщенные к материалам Группы, которые были получены из весьма достоверного источника, занимающегося оказанием гуманитарной помощи.

[70] Беседы, проведенные членами Группы по телефону в январе и феврале 2018 года. В 2016 году Организация Объединенных Наций подтвердила случаи вербовки и использования возглавляемой Табаном фракцией НОАС (оппозиция) 207 детей. См. S/2017/821, para 145, and Human Rights Watch, “South Sudan: warring parties break promises on child soldiers” (5 February 2018), available from www.hrw.org/news/2018/02/05/south-sudan-warring-parties-break-promises-child-soldiers.

этой группировки Табана в Пиборе, штат Джонглей[71]. Официальные лица из состава НОАС (оппозиция) под командованием Табана в Масне, Западный Бахр-эль-Газаль, подтвердили присутствие в своих рядах детей[72]. Однако, когда члены Группы задали этот вопрос первому вице-президенту, он отмел любые утверждения относительно вербовки и использования детей его силами (см. приложение III к настоящему докладу).

C. Воспрепятствование оказанию гуманитарной помощи и нападения на работников гуманитарных организаций

50. В настоящее время Южный Судан переживает один из тяжелейших гуманитарных кризисов в мире. Цифры ошеломляют: даже после того, как более 2 миллионов человек бежали из страны, в 2018 году из 12 миллионов жителей Южного Судана 7 миллионов будут нуждаться в гуманитарной помощи. По оценкам гуманитарных организаций, им понадобится 1,72 млрд долл. США для осуществления мер реагирования, которые позволили бы урегулировать многочисленные и взаимосвязанные кризисные ситуации в 2018 году[73]. Как уже сообщалось, несмотря на огромные потребности в оказании помощи населению страны, работникам гуманитарных организаций приходится действовать в чрезвычайно сложной оперативной обстановке. Стороны в конфликте, движимые собственными политическими, военными и экономическими интересами, продолжают прибегать к самым разным приемам, чтобы воспрепятствовать гуманитарному доступу к населению[74].

51. В соответствии с международным правом все стороны в конфликте несут ответственность за благополучие гражданского населения в районах их операций, и в том случае, если они не могут или не хотят обеспечить удовлетворение потребностей тех, кто находится под их контролем, стороны обязаны разрешать и облегчать оказание им помощи[75]. В своем промежуточном докладе от ноября 2017 года (S/2017/979, пункт 15) Группа сообщила, что ответственность за создание препятствий для проведения гуманитарных операций лежит в основном на правительстве. За последнее время ситуация в этом плане не претерпела изменений, о чем подробно говорится в приложении IV к настоящему докладу. По мнению Группы, цель правительства состоит в том, чтобы ограничить приток ресурсов в районы, контролируемые оппозицией, присвоить средства, предназначенные для финансирования гуманитарной деятельности, в качестве источника доходов и скрыть грубые нарушения прав человека. В рамках проводившихся ею расследований Группа анализировала масштабы создаваемых в стране препятствий в деле оказания гуманитарной помощи на основе следующих трех критериев.

---

[71] Report of the Ceasefire and Transitional Security Arrangements Monitoring Mechanism on child soldiers, примечание 67 выше.

[72] См. Report of the Ceasefire and Transitional Security Arrangements Monitoring Mechanism on child soldiers, примечание 67 выше.

[73] Humanitarian Response Plan 2018, примечание 46 выше.

[74] Эта тактика включает намеренное создание условий, в которых ограничивается физический доступ, в том числе посредством запугивания, преследования и задержания гуманитарного персонала; уничтожения или разграбления гуманитарных грузов и имущества, а также отказа в доступе к районам с населением, которое подозревается в поддержке других воюющих сторон. Кроме того, стороны чинят препоны косвенным образом — создавая все более сложные и непредсказуемые бюрократические системы, вмешиваясь в осуществление программ и отвлекая ресурсы, необходимые для оказания помощи, на цели финансирования их военных планов либо в интересах тех, кто их поддерживает.

[75] www.unocha.org/sites/dms/Documents/OOM_HumAccess_English.pdf.

1. Работники гуманитарных организаций, погибшие при исполнении служебных обязанностей

52. С начала войны в декабре 2013 года при исполнении служебных обязанностей было убито по меньшей мере 95 работников гуманитарных организаций[76]. Двадцать три погибли после представления Группой ее итогового доклада от апреля 2017 года (S/2017/326). Большинство погибших были гражданами Южного Судана.

2. Затрудненный доступ к нуждающемуся населению

53. Гуманитарным организациям для эффективного оказания жизненно важной людям помощи в стране, где они обеспечивают подавляющее большинство основных услуг, необходим постоянный и беспрепятственный доступ к населению, которому поддержка потребуется на протяжении длительного времени[77]. Представители гуманитарных организаций, с которыми беседовали члены Группы, сообщили, что государственные субъекты продолжают систематически препятствовать в критические моменты доступу к нуждающимся, подрывая возможности гуманитарных работников в плане проведения эффективных операций по оказанию помощи, что приводит к ухудшению состояния здоровья соответствующих категорий населения[78].

54. В своем промежуточном докладе (см. S/2017/979, раздел IV.A) Группа сообщила о том, что гуманитарным работникам систематически не давали разрешения оказать жизненно необходимую помощь нуждающимся в районе Большого Баггари в округе Вау. Результаты оценки обеспеченности продовольствием, проведенной в сентябре 2017 года с использованием Комплексной классификации стадий продовольственной безопасности, подтвердили, что положение в районе Большого Баггари вызывает особую обеспокоенность, поскольку 25 000 жителей там находятся на грани голода[79]. Во второй половине ноября 2017 года гуманитарным организациям удалось оказать крайне необходимую чрезвычайную продовольственную помощь. При этом они отметили, что местные жители, особенно дети, остаются крайне уязвимыми в случае любых возможных потрясений[80] и что положение в плане обеспеченности продовольствием неизбежно ухудшится, если доступ будет вновь ограничен — либо правительством, либо в результате боевых действий.

---

[76] Переписка членов Группы по электронной почте с Управлением по координации гуманитарных вопросов (данные по состоянию на 19 февраля 2018 года).

[77] Несколько сотрудников гуманитарных организаций указали, что проводимая сторонами в конфликте стратегия предоставления время от времени доступа в определенные районы, возможно, и работает «с точки зрения взаимодействия с общественностью», но не позволяет приступить к удовлетворению масштабных и сложных гуманитарных потребностей конструктивным образом.

[78] Беседы членов Группы с сотрудниками гуманитарных структур и Организации Объединенных Наций в Найроби, Джубе и по телефону, февраль 2018 года.

[79] Эти 25 000 жителей отнесены к стадии 5 (катастрофа), т.е. домашние хозяйства испытывают крайнюю нехватку продовольствия даже в том случае, если задействованы все стратегии выживания. См. www.ipcinfo.org/fileadmin/user_upload/ipcinfo/docs/IPC_Alert_9_SouthSudan_Sept2017_FINAL.pdf и www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/south_sudan_cr_fs02_12-05-2017.pdf.

[80] Термин «потрясения», в том значении, в котором он употреблен здесь, подразумевает неожиданные изменения в жизни населения в этом районе в результате боевых действий или действий участников конфликта.

55. В декабре 2017 года Управление по координации гуманитарных вопросов сообщило, что доступ в район Баггари предоставляется нерегулярно, но определенную продовольственную помощь и услуги первичной медико-санитарной помощи населению, тем не менее, удалось оказать[81]. В феврале 2018 года Управление вновь сообщило, что партнеры по гуманитарной деятельности в очередной раз столкнулись с проблемами в плане доступа в районе Большого Баггари[82]. Учитывая раннее наступление сезонного дефицита продовольствия[83], а также возможность проведения новых военных операций, «для спасения жизни людей необходимо в срочном порядке обеспечить широкомасштабное оказание гуманитарной помощи по многим направлениям»[84]. По мнению членов Группы, несмотря на то, что доступ в этот район за последние несколько месяцев, по всей видимости, стал более стабильным, добиться постепенного улучшения чрезвычайно тяжелой ситуации в плане состояния здоровья местного населения, зарегистрированной в сентябре 2017 года, можно будет лишь в том случае, если помощь населению будет оказываться на постоянной основе в течение продолжительного времени[85].

3. Увеличение числа бюрократических препон

56. Как указывалось в промежуточном докладе Группы (S/2017/979), гуманитарные работники не только подвергаются риску в условиях небезопасной обстановки, но и все чаще сталкиваются с огромным множеством бюрократических препон, которые стороны в конфликте чинят, с тем чтобы производить манипуляции с гуманитарной помощью и использовать ее для достижения собственных политических, военных и экономических целей[86]. По результатам своих расследований Группа пришла к выводу о том, что стороны используют исключительный уровень непредсказуемости и непоследовательность при осуществлении политики, чтобы целенаправленно формировать атмосферу неопре-

[81] Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, “South Sudan: humanitarian access snapshot” (December 2017), available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_20180118_Access_Snapshot_December_final.pdf.

[82] Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, Humanitarian Bulletin South Sudan, No. 31 (20 February 2018), available from https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_1802020_OCHA_SouthSudan_Humanitarian_Bulletin02.pdf.

[83] Период сезонного дефицита продовольствия начался в январе 2018 года, на три месяца раньше обычного.

[84] Integrated Food Security Phase Classification, “South Sudan: Current (January 2018) and Projected (Feb.-Apr. 2018; May-July 2018) Acute Food Insecurity and Acute Malnutrition Situation”, available from www.ipcinfo.org/ipcinfo-detail-forms/ipcinfo-map-detail/en/c/1103832/.

[85] Выезжавшие в этот район представители нескольких гуманитарных организаций отметили весьма высокие показатели недоедания и высокий уровень тяжелого острого недоедания. См. S/2017/979, пункт 40.

[86] Для Южного Судана инциденты в области безопасности и бюрократические препятствия не новы, поскольку сектор оказания помощи в том или ином виде присутствует в стране на протяжении последних 30 лет. Однако некоторые из приведенных выше данных, судя по всему, указывают на негативную тенденцию к появлению более серьезных угроз безопасности и их более тяжелых последствий (одним из показателей в этом плане может служить упомянутое в пункте 52 выше число убитых — 95 человек). Постоянно небезопасная обстановка на всей территории страны в сочетании с прямыми нападениями на гуманитарных работников, а также косвенные препятствия породили атмосферу страха в сообществе гуманитарных организаций.

деленности и хаоса, получая тем самым возможность еще жестче контролировать деятельность гуманитарных учреждений (см. в качестве примера нижеследующее тематическое исследование)[87].

Анализ ситуации на конкретном примере

Проездные документы, необходимые для поездки воздушным транспортом на места за пределы Джубы

С сентября 2017 года многим работникам НПО было отказано в посадке в Джубе на рейсы Службы гуманитарных воздушных перевозок Организации Объединенных Наций для выезда на места по причине того, что они не имели разрешения на работу. В ходе проведенных расследований Группа получила копию циркуляра генерального секретаря Комиссии по вопросам оказания помощи и восстановления от 5 сентября 2017 года[a], которым была введена отдельная процедура для сотрудников НПО, не имевших на тот момент разрешения на работу. Циркуляр обязывает сотрудников НПО при планировании поездок на места уведомлять Комиссию по вопросам оказания помощи и восстановления за 72 часа до поездки письмом от их организации с указанием их имени и фамилии, должности и места назначения.

В связи с этой процедурой, однако, Группа отметила ряд проблем. Разрешения на работу выдаются всем сотрудникам иностранных НПО Министерством труда, с тем чтобы они могли проживать в стране на законных основаниях. Согласно результатам обследования, проведенного Управлением по координации гуманитарных вопросов, 42 процентов НПО сталкивались при обращении за получением разрешений на работу с такими проблемами, как отказ в выдаче или продлении действия разрешений, задержки с выдачей и аннулирование разрешений[b]. С учетом продолжительности процесса оформления разрешений на работу и в целях содействия доставке помощи, до сентября 2017 года власти разрешали работникам НПО выезжать, имея при себе письменное подтверждение того, что заявление на получение разрешения на работу уже подано и рассматривается.

Однако уже в начале сентября 2017 года нескольким сотрудникам НПО, направлявшимся на места, было отказано в посадке на внутренние рейсы по той причине, что они не имели разрешения на работу, хотя у них было с собой подтверждение того, что заявление на получение разрешения уже подано. Хотя НПО, как правило, стремятся соблюдать правила, действующие в странах, где они работают, в этих случаях от правительства не поступало своевременных, предсказуемых или последовательных распоряжений относительно документации, необходимой для поездок за пределами Джубы. После ряда жалоб, поступивших от НПО, сотрудникам которых было отказано в посадке на рейсы, Комиссия по вопросам оказания помощи и восстановления выпустила и направила вышеупомянутый циркуляр, но лишь некоторым организациям. Кроме того, оказалось неоднозначным и приводит в замешательство выполнение циркуляра персоналом аэропортов.

[87] Беседы членов Группы с персоналом гуманитарных структур и Организации Объединенных Наций в течение 2017 года и в январе и феврале 2018 года в Джубе, Найроби, Кампале, Нью-Йорке и по телефону.

В ноябре 2017 года Пол Дел, бывший заместитель Председателя Комиссии по вопросам оказания помощи и восстановления, разместил список работников гуманитарных организаций, не имеющих разрешения на работу, в социальных сетях. После того как его действия были официально обжалованы Управлением по координации гуманитарных вопросов, которое ссылалось на необходимость защиты частной информации, через две недели список был удален из Интернета[c].

Дело еще более осложнилось, когда 28 ноября 2017 года Комиссия по вопросам оказания помощи и восстановления объявила о том, что не будет более выдавать разрешений на поездки сотрудникам гуманитарных организаций, заявления которых на получение разрешений на работу еще не удовлетворены[d]. Ввиду этого предполагается, что такие сотрудники должны обращаться в Министерство труда для получения разрешений на поездки. После периода неопределенности министерство проинформировало гуманитарные учреждения о том, что для совершения поездки достаточно предъявить документ, подтверждающий получение оплаты за разрешение на работу, пока соответствующее заявление находится на рассмотрении. Тем не менее, ряду сотрудников гуманитарных организаций было отказано в посадке на внутренние рейсы даже при наличии таких подтверждений оплаты, поскольку они оплатили комиссионный сбор при подаче заявления, то есть до 24 ноября 2017 года, когда была введена новая система взимания сборов. Теперь предполагается, что они должны оплачивать новый комиссионный сбор, хотя в циркуляре четко изложено, что сборы будут взиматься по новым расценкам лишь в тех случаях, когда заявления на получение разрешения на работу были поданы после 31 октября 2017 года, а также имеется положение о переходном периоде, предусматривающее, что разрешения на работу, заявления на получение которых уже поданы, но не рассмотрены, должны оплачиваться по старым расценкам[e].

---

[a] См. копию письма в адрес Управления по координации гуманитарных вопросов, URL: http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-09/Work%20permit%20circular%205%20sept%202017.pdf.

[b] Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, *Bureaucratic Access Impediments to humanitarian operations in South Sudan* (June 2017), available from http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-11/SBureaucratic _Access_Impediments_Survey_Report.pdf.

[c] Переписка членов Группы с конфиденциальным источником из числа гуманитарных организаций, февраль 2018 года.

[d] См. копию письма в адрес Управления по координации гуманитарных вопросов, URL: http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-11/RRC%20Travel%20Authorisation%20Stoppage%20November%2028%202017_0.pdf.

[e] См. копию циркуляра, URL: http://docs.southsudanngoforum.org/sites/ default/files/2017-10/Work%20permit%20fees%2024%20Oct%202017.pdf.

57. В целом гуманитарные организации считают, что наибольшую ответственность за срыв оказания помощи несет НОАС, которая ограничивает передвижение, устанавливает незаконные налоговые сборы на контрольно-пропускных пунктах, применяет тактику угроз и запугивания в отношении гуманитарных работников, конфискует товары и материалы, предназначенные для целей оказания помощи, и вмешивается в проведение операций на местах. Гражданские власти, в том числе окружные и местные органы власти и Комиссия по вопросам оказания помощи и восстановления, причастны к срыву операций по оказанию

помощи в силу применения ими постоянно меняющейся политической стратегии[88]. Действия негосударственных вооруженных субъектов оцениваются как существенно менее значимые по сравнению с действиями государственных органов[89].

58. Вместе с тем в условиях, когда подход к решению многих проблем определяют соображения безопасности государства Южный Судан, именно Национальная служба безопасности под командованием Акола Кура Кука неизменно рассматривается как структура, в наибольшей степени подрывающая осуществление гуманитарных операций, в силу того, что применяет самую пагубную тактику контроля и вымогательства в отношении субъектов, занимающихся гуманитарной деятельностью. Кроме того, генеральный секретарь Комиссии по вопросам оказания помощи и восстановления Денг Тонг Кенджок и бывший заместитель Председателя Пол Дел играют ключевую роль в продвижении новых и зачастую приводящих в замешательство стратегий в области гуманитарной деятельности[90]. Увеличение числа выдаваемых разрешений на работу в октябре 2017 года[91] и повышение суммы регистрационного сбора для НПО в мае 2017 года[92]были однозначно спланированы Полом Делом в качестве способа мобилизации средств Комиссией по вопросам оказания помощи и восстановления. Один из высокопоставленных представителей, с которым беседовали члены Группы, охарактеризовал Дела как «враждебно и агрессивно настроенного по отношению к сообществу НПО»[93].

59. Бюрократические препоны такого рода сопряжены с весьма значительными расходами. Только в 2017 году расходы гуманитарных организаций в Южном Судане составили 1,2 млрд долл. США[94]. Это весьма значительный финансовый вклад для страны, валовой объем государственного бюджета которой в 2016/17 году составил лишь 801 млн долл. США[95]. Учитывая общий развал экономики и одновременное сокращение числа и истощение источников государственных доходов, и государственные, и негосударственные субъекты все ак-

---

[88] Поскольку одновременно с увеличением числа местных органов власти, в значительной степени обусловленным тем, что руководством Южного Судана были созданы 32 штата, увеличилось и число местных органов власти, которые пытаются регулировать деятельность гуманитарного персонала, переговоры по проблеме обеспечения доступа гуманитарным организациям приобретают все более сложный и непредсказуемый характер.

[89] Беседы членов Группы с персоналом гуманитарных структур и Организации Объединенных Наций на протяжении 2017 года и в январе и феврале 2018 года в Джубе, Найроби, Кампале, Нью-Йорке и по телефону. См. также Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, *Bureaucratic Access Impediments to humanitarian operations in South Sudan* (June 2017), available from http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-11/SBureaucratic_Access_Impediments_Survey_Report.pdf.

[90] Вместе с многими другими документами Дел направил циркуляр в отношении разрешений на поездки 28 ноября 2017 года (см. приведенный после пункта 56 выше анализ ситуации на конкретном примере). В феврале 2018 года Дел был уволен, и на его место пришел Сантино Бол Мутерди. См. www.gurtong.net/ECM/Editorial/tabid/124/ID/21256/Default.aspx.

[91] См. экземпляр уведомления, URL: http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-10/Work%20permit%20fees%2024%20Oct%202017.pdf.

[92] См. копию письма в адрес Управления по координации гуманитарных вопросов — Южного Судана URL: http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-07/Increasment%20of%20registration%20fee%20001%20%281%29%20%281%29.jpg.

[93] Беседы членов Группы с персоналом гуманитарных структур и Организации Объединенных Наций в январе и феврале 2018 года, Джуба, Найроби и по телефону.

[94] «Чтобы оказать помощь 5 миллионам человек». Беседа членов Группы с Координатором по гуманитарным вопросам в Джубе в феврале 2018 года.

[95] См. утвержденные бюджетные таблицы за 2017/18 финансовый год (http://grss-mof.org/wp-content/uploads/2017/11/book-final-1718-1.pdf), pp. 12–13.

тивнее изобретают способы присвоения средств, выделяемых на финансирование гуманитарной деятельности в условиях конфликта. По словам одного из представителей, с которым беседовали члены Группы, правительство воспринимает присутствие гуманитарных организаций в стране как появление «новых нефтяных месторождений»[96]. В результате из-за задержек либо вынужденной отмены гуманитарных операций стоимость операций по оказанию гуманитарной помощи существенно увеличилась — как прямо, так и косвенно.

60. Одним из самых показательных примеров того, как правительство пытается присвоить ресурсы, предназначенные для целей оказания помощи, является практика сборов за выдачу разрешений на работу, за последние несколько лет ставшая для гуманитарных учреждений систематической проблемой. 24 октября 2017 года Министерство труда увеличило сумму годового сбора за выдачу разрешений на работу для международного персонала с 100 долл. США до 4000 долл. США[97]. Таким образом, по меньшей мере 7 млн долл. США будут ежегодно вместо оказания жизненно важной людям помощи направляться на оплату разрешений на работу. Эти оценочные данные основаны на разумном предположении о том, что все международные сотрудники международных НПО будут отнесены к тем двум категориям, для которых установлен самый большой размер сбора — 3000 долл. США или 4000 долл. США[98]. Для того чтобы чрезмерно завышенные суммы сборов за разрешения на работу в Южном Судане можно было сравнить с аналогичными сборами, члены Группы собрали сопоставимые данные о размере оплаты за разрешения на работу, установленном в Уганде, Кении и Эфиопии, как это показано в таблице ниже.

Страна	*Примерная общая численность населения*	*Примерное число нуждающихся в гуманитарной помощи*[a]	*Ежегодный сбор за разрешение на работу (в долл. США)*
Уганда	43 миллиона	1,5 миллиона	2 500
Кения	50 миллионов	5,6 миллиона	2 000
Эфиопия	105 миллионов	8,5 миллиона	400
Южный Судан	12 миллионов (включая более 2 миллионов беженцев в соседних странах)	7 миллионов	4 000 — для консультантов/руководителей[b] 3 000 — для специалистов[b] 2 000 — для технического состава 1 000 — для квалифицированных рабочих 500 — для неквалифицированных рабочих

[a] Смета Reliefweb по состоянию на ноябрь 2107 года.

[b] Можно предположить, что все международные сотрудники, работающие в составе НПО, будут отнесены к первой или второй категории.

[96] Беседа членов Группы с конфиденциальным источником из числа гуманитарных организаций, февраль 2018 года, Джуба.

[97] См. копию уведомления, URL: http://docs.southsudanngoforum.org/node/398.

[98] Беседы членов Группы с сотрудниками гуманитарных организаций в феврале 2018 года в Найроби. См. также https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_20180213_Annual_Access_Snapshot_Final.pdf.

V. Источники финансирования

61. Для того чтобы лучше понимать, какие источники финансирования имеются у воюющих сторон, Группа углубленно изучила положение в следующих секторах.

A. Поступления от нефти

62. Поступления от нефти являются для правительства главным источником твердой валюты. В настоящее время суточный объем добычи нефти в стране остается на уровне 135 000 баррелей[99]. В соответствии с бюджетом на 2017/18 год прогнозируемая чистая сумма поступлений от добычи нефти в долларах США составляет порядка 166 млн долл. США, тогда как в бюджете на 2016/17 год соответствующий показатель составлял 103 млн долл. США[100]. Для привлечения иностранных инвесторов в целях увеличения добычи нефти правительство организовало в октябре 2016 года в Джубе конференцию по нефти. Однако из-за небезопасной обстановки в стране на конференцию не приехали представители партнерств с основными инвесторами нефтяного сектора[101].

63. Несмотря на низкий уровень нефтедобычи в сложившейся в стране тяжелейшей экономической ситуации[102], полученная Группой документация, из которой следует, что в 2015 году была санкционирована выплата базирующейся в Кампале компании «Босаси лоджистикс лимитед» 30,73 млн долл. США за поставку боеприпасов[103], дает Группе основания сделать вывод о том, что нефть остается главным источником финансирования военных планов правительства. В настоящее время предпринимаются попытки увеличить объем поступлений за счет предпродажи нефти нефтяным трейдерам. Группа продолжит предметно изучать эти вопросы.

---

[99] См. выступление министра нефти Южного Судана Эзекиеля Лула Гаткуота перед участниками Африканской конференции «Нефть и энергетика», июнь 2017 года, URL: http://africaoilandpower.com/2017/06/08/presentation-ministry-of-petroleum-south-sudan//.

[100] Следует отметить, что из-за выплат нефтяным трейдерам объем чистых поступлений от добычи нефти в 2017/18 году может оказаться меньше, чем было предусмотрено в бюджете. Согласно полученным Группой документам, в декабре 2017 года нефтяным трейдерам было выплачено 184 млн долл. США. См. таблицы утвержденного бюджета на 2017/18 финансовый год (http://grss-mof.org/wp-content/uploads/2017/11/book-final-1718-1.pdf), стр. 19 оригинала; см. также финансовый отчет за четвертый квартал 2016/17 года (декабрь 2017 года) Министерства финансов и экономического планирования Южного Судана, стр. 8 оригинала.

[101] У некоторых инвесторов, возможно, не возникнет желания осуществлять инвестиции в этой стране, поскольку стало очевидным, что обязательным акционером во всех проектах станет государственная компания «Найл петролеум». См. www.reuters.com/article/southsudan-oil/corrected-south-sudan-oil-conference-fails-to-draw-biggest-energy-firms-idUSL8N1MM43F. Также подтверждено в ходе бесед с источниками, представляющими нефтяную отрасль (февраль 2018 года) и НПО (март 2018 года).

[102] Государственный долг Судану в настоящее время составляет 1,3 млрд долл. США. См. www.reuters.com/article/us-southsudan-oil/south-sudan-owes-sudan-1-3-billion-from-2012-oil-deal-official-idUSKBN1DZ2XK.

[103] Эти документы приобщены к материалам Группы.

B. Доходы от древесины, позволяющие финансировать вооруженные группы

64. Леса и лесные массивы покрывают примерно 29 процентов территории Южного Судана, при этом площадь 68 плантаций главным образом тикового дерева и других экзотических пород деревьев составляет до 187 900 гектаров[104]. Как отмечалось в промежуточном докладе Группы (S/2017/929), добыча и сбыт тиковой древесины и других лиственных пород деревьев является важным источником финансирования действующих в этих районах вооруженных групп. Так было и остается на протяжении всей истории конфликтов в Южном Судане[105]. Проводимое Группой расследование характера торговли тиком в настоящее время свидетельствует о том, что эта исторически сложившаяся тенденция сохраняется, причем правительство и оппозиционные вооруженные группировки получают доходы за счет незаконной торговли, осуществляемой в южносуданском секторе по добыче тиковой древесины.

65. НОАС и НОАС (оппозиция) во главе с Машаром применяют специальные схемы защиты, предусматривающие, что компании по заготовке тиковой древесины и ее перевозчики должны напрямую платить вооруженным группам, чтобы иметь возможность войти в лес и производить рубку деревьев, и/или платить на блокпостах и контрольно-пропускных пунктах вдоль основных транзитных маршрутов[106]. Так обстоят дела главным образом в Центральном и Западном Экваториальных штатах, а также в штате Вау и в бывшем Западном Бахр-эль-Газале. Для компаний по заготовке тика и мелких лесозаготовителей плата вооруженным группам является вынужденной, но необходимой издержкой ведения бизнеса, поскольку в случае отказа сделать это лесозаготовительные артели и транспортировщики тиковой древесины рискуют подвергнуться нападению. Поскольку многие мирные жители бегут в Уганду, а НОАС, НОАС (оппозиция) и другие вооруженные группы ведут борьбу за контроль над территорией, обстановка на дорогах становится все более опасной (подробное обсуждение практики незаконных налоговых сборов на контрольно-пропускных пунктах см. в приложении V). Водители грузовиков подвергаются нападениям, ограблениям, их убивают. Как сообщил источник, представляющий этот сектор, однажды водитель прибыл на границу с Угандой с пустым грузовиком, и на нем не было никакой одежды, кроме нижнего белья[107].

---

[104] Доклад правительства Южного Судана на практическом семинаре по вопросам неистощительного лесопользования и изменения климата, 14–16 декабря 2016 года, Дар-эс-Салам, URL: www.fao.org/forestry/download/45524-08723e0208fec b5fe69a182241c4081f8.pdf. Подтверждено в ходе обмена сообщениями с конфиденциальным источником из сектора по добыче тиковой древесины 1 марта 2018 года.

[105] Южносуданские повстанцы в составе организации «Анья-Нья» в ходе первой гражданской войны в Судане (1955–1972 годы) и НОАС в ходе второй гражданской войны в Судане (1983–2005 годы) добывали и продавали тиковое дерево для финансирования своих мятежей. По словам одного южносуданского парламентария, «в других странах имеются “кровавые алмазы”. У Севера есть “кровавая нефть”, которую правительство [Судана] бурит на юге страны для закупки оружия у Кореи, Китая, Ирака и Советского Союза. У нас [в НОДС/А], было “кровавое тиковое дерево”».

[106] Беседы с представителями правительства, МООНЮС и оппозиции в период с ноября 2017 года по февраль 2018 года в Найроби, Москве, Кампале и Джубе. См. также результаты исследования, проведенного Норвежским институтом международных отношений, URL: www.kuronvillage.net/2017/NUPI_rapport_+South+Sudan_ Rolandsen_Kindersley.pdf, p.18.

[107] Беседа с представителем сектора по производству тиковой древесины от 3 ноября 2017 года.

66. Стандартная схема защиты заготовителей тика, которые хотят работать в районах, находящихся под контролем НОАС (оппозиция) — включая Лока в штате Ей Ривер, где производится значительная часть незаконной рубки леса (подробное обсуждение деятельности вооруженных групп в Лока см. в приложении VI), — состоит в том, чтобы связаться с представителями НОАС (оппозиция) в соседних странах и определить примерный объем запланированных заготовок тикового дерева и сроки оказания «услуг по защите». Каждый лесозаготовитель заранее платит НОАС (оппозиция) за обеспечение защиты от 14 до 16 долл. США за одно дерево, или около 2000 долл. США за грузовик со 120 необработанными бревнами. Правительственные чиновники в штате Ей Ривер, связанные с НОАС (оппозиция), распределяют поступающие средства между различными подразделениями НОАС (оппозиция) либо используют их для закупки риса, сахара и других основных продовольственных товаров[108]. Подразделения НОАС, действующие в Ее или вокруг него, также взимают за оказание услуг по защите от 20 до 22 долл. США за одно дерево или около 2500 долл. США за грузовик срубленных деревьев. Наряду с этим НОАС предоставляет услуги по обеспечению безопасности при перевозке бревен тикового дерева к границе с Угандой[109].

C. Вымогательство средств у сотрудников Миссии Организации Объединенных Наций в Южном Судане

67. То, что международные структуры в стране воспринимаются в качестве ее «новых нефтяных месторождений» (см. пункт 59 выше), относится не только к гуманитарным организациям, но и к другим международным субъектам. Подробно изучив ситуацию, Группа пришла к выводу о том, что, несмотря на соглашение о статусе сил между МООНЮС и правительством, сотрудники МООНЮС все чаще самым вопиющим образом подвергаются вымогательству и иным формам эксплуатации со стороны представителей правительства, таким как:

a) *требования об оплате международными подрядчиками МООНЮС сборов за получение въездных виз и разрешений на работу.* В период с июля по декабрь 2017 года сотрудники Управления по вопросам гражданства, оформления паспортов и иммиграции несколько раз просили международных подрядчиков и субподрядчиков МООНЮС, прибывших в международный аэропорт Джубы, заплатить 100 долларов США за одномесячную визу. Затем им выдавали визы сроком на один месяц и предлагали заплатить еще от 20 до 400 долл. США за годовую визу;

b) *требования об оплате сотрудниками МООНЮС сборов за получение въездных виз.* 17 июля 2017 года международный сотрудник МООНЮС был остановлен по прибытии в международный аэропорт Джубы и задержан работниками Управления по вопросам гражданства, оформления паспортов и иммиграции, которые угрожали ему депортацией, заявив, что он прибыл коммерческим рейсом, имея с собой национальный паспорт, а не пропуск Организации Объединенных Наций. Затем они потребовали с него 100 долл. США за то,

[108] Беседы с членами НОАС (оппозиция) в ноябре 2017 года и январе 2018 года в Найроби и Кампале. Также подтверждено в беседе с независимым аналитиком в ноябре 2017 года и в январе 2018 года.

[109] Беседы с членами НОАС (оппозиция) в ноябре 2017 года и январе 2018 года в Найроби и Кампале. Также подтверждено в беседе с независимым аналитиком в ноябре 2017 года и в январе 2018 года.

чтобы проставить въездную визу в его национальный паспорт. Опасаясь депортации, этот сотрудник был вынужден подчиниться требованиям сотрудников Управления. Аналогичная ситуация неоднократно имела место в период с 3 по 10 октября 2017 года, когда работники Управления заставили оплатить такие же визовые сборы в международном аэропорту Джубы 27 сотрудников МООНЮС, впервые прибывших в страну. И хотя им были представлены полученные от Министерства иностранных дел письма, освобождавшие прибывших от необходимости платы за визы, сотрудники Управления все же настояли на оплате визового сбора;

c) *требования об оплате сборов подрядчиками МООНЮС.* 13 июля «Тристар, ЛЛК»[110], подрядчик МООНЮС по поставке топлива, получило письмо от Департамента уголовного розыска Южного Судана с требованием уплатить сбор в размере 150 долл. США за каждого работающего в компании международного сотрудника, с тем чтобы им были выданы «справки о безупречном поведении», необходимые для получения разрешений на работу. Несколько раз работники Управления по вопросам гражданства, оформления паспортов и иммиграции требовали, чтобы по прибытии в аэропорт сотрудники «Тристар, ЛЛК» уплатили от 50 до 150 долл. США каждый для получения разрешений на работу;

d) *изъятие грузов МООНЮС.* 20 октября 2017 года партия грузов МООНЮС была задержана сотрудниками таможни и должностными лицами Национальной службы безопасности по прибытии в аэропорт Вау под предлогом того, что представители МООНЮС нарушают установленные правила об уплате налогов. Инцидент произошел несмотря на то, что прибытие груза было предварительно согласовано МООНЮС с таможенной службой и Национальной службой безопасности, и, несомненно, представляет собой попытку незаконного вымогательства у МООНЮС средств в счет оплаты налога[111].

68. В ходе расследований сообщений о случаях вымогательства у МООНЮС финансовых средств Группа не смогла выявить конкретных лиц, ответственных за сбор денег, последующую передачу средств или отдачу конкретных распоряжений в этом плане. Однако тот факт, что представители Управления по вопросам гражданства, оформления паспортов и иммиграции и Национальной службы безопасности производят сбор финансовых средств в своем официальном качестве, означает, что эти средства могут использоваться для финансирования определенной деятельности правительства.

VI. Оружие

69. Военные операции и вооруженные столкновения в течение отчетного периода продолжались в различных районах на всей территории Южного Судана. Как отмечается в многочисленных сообщениях, объектом продолжающегося насилия в значительной степени является гражданское население Южного Судана[112]. Кроме того, из таких сообщений четко следует, что в большинстве случаев насилие по-прежнему совершается с использованием стрелкового оружия

[110] «Тристар, ЛЛК» является официальным поставщиком топлива МООНЮС. Штаб-квартира компании находится в Дубае (www.tristar-group.co/about-us/).

[111] Конфиденциальные документы, приобщенные к материалам Группы. Также было подтверждено в ходе бесед с источниками в МООНЮС в январе 2018 года.

[112] См. например, доклад от 13 марта 2018 года действующей в составе Совета по правам человека Комиссии по правам человека в Южном Судане (A/HRC/37/71), в котором изложена подробная информация о нападениях на гражданских лиц на всей территории страны, в том числе о случаях, когда мирные граждане целенаправленно выбирались в

и легких вооружений. В ходе отдельных более масштабных военных операций, например, в рамках продолжающихся наступательных операций НОАС в штате Джонглей, также используются бронированные машины и установленные на автомобилях зенитные средства[113]. Как сообщил один очевидец нападения НОАС на одну из деревень в окрестностях Матианга в июне 2017 года:

> «В Малоу [солдаты] силы правительства просто беспорядочно стреляли по жителям деревни... многие из нас убежали и оставили свои [дома]. Казалось, что боевики НОАС были повсюду. Их было так много, и они просто стреляли. Кто-то стрелял из винтовок, а те, кто были на машинах, обстреливали нас, мирных жителей, из крупнокалиберного оружия»[114].

70. Для того чтобы лучше понять те факторы, которые лежат в основе и способствуют распространению такого рода насилия в Южном Судане, Совет Безопасности в подпункте (c) пункта 18 резолюции 2206 (2015) уполномочил Группу экспертов:

> «в соответствующих случаях осуществлять сбор, изучение и анализ информации о поставках, продаже или передаче вооружений и относящихся к ним материальных средств и оказании соответствующей военной или иной помощи, в том числе через сети, занимающиеся незаконным оборотом, лицам и организациям, действия которых подрывают политические процессы, нацеленные на выработку итогового мирного соглашения, или которые участвуют в совершении актов, нарушающих действующие нормы международного права прав человека или международного гуманитарного права».

71. Важно отметить, что выполнение этих задач поручено в отсутствие режима оружейного эмбарго, который был бы введен Советом Безопасности в отношении Южного Судана. Поэтому государствам-членам не запрещено Советом продавать оружие Южному Судану[115]. Тем не менее, в пункте 19 этой резолюции Совет Безопасности:

> «настоятельно призывает все стороны и все государства-члены, а также международные, региональные и субрегиональные организации обеспечивать сотрудничество с Группой экспертов и настоятельно призывает далее все государства-члены, которых это касается, обеспечивать безопасность членов Группы экспертов и предоставлять им беспрепятственный доступ, в частности к лицам, документам и объектам, с тем чтобы Группа экспертов могла выполнять свой мандат».

72. Хотя представление отчетности о незаконных поставках оружия является одним из существенных факторов, ключевой принцип работы Группы при проведении — в сотрудничестве с государствами-членами — связанных с оружием расследований состоит в том, чтобы выявить тех субъектов, которые используют

качестве мишени или когда вооруженные элементы не проводили различия между гражданскими и военными целями.

[113] Дипломатическая нота от 12 января 2018 года, приобщенная к материалам Группы, и конфиденциальные доклады по вопросам прав человека.

[114] Report of the Commission on Human Rights in South Sudan (A/HRC/37/CRP.2), para.557. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/A_HRC_37_CRP.2_EN.pdf.

[115] В Европейском союзе и Соединенных Штатах действуют свои эмбарго на поставки оружия, а другие государства сообщили об имеющихся у них двусторонних обязательствах, в соответствии с которыми они вводят собственные ограничения на продажу оружия Южному Судану.

оружие для подрыва политических процессов и/или совершения деяний, нарушающих нормы международного права прав человека или международного гуманитарного права.

73. На протяжении срока действия своего нынешнего мандата (и с момента своего создания в марте 2015 года) Группа неоднократно пыталась получить достоверную информацию на основе изучения свидетельских показаний, документации, полетных записей и результатов инспекции оружия[116]. Успех этих расследований в значительной степени зависит от способности Группы отслеживать конкретного производителя оружия. Подробные сведения о происхождении оружия часто позволяют получить ценную дополнительную информацию о продаже конкретной единицы оружия, установить, как и когда оно оказалось в стране, и кем это оружие было приобретено[117]. Такой подход особенно полезен, когда речь идет о боеприпасах, поскольку стрелковое оружие в Южном Судане имеется в изобилии, а боеприпасы — нет[118]. Это означает, что всем вооруженным субъектам постоянно требуются поставки новых партий боеприпасов, а отследив источники этих поставок, можно получить доказательства произведенных недавно закупок. В некоторых случаях такая информация может помочь увязать конкретные поставки с конкретными инцидентами, облегчающими задачу установить, кто осуществлял командование, контроль и нес ответственность за действия, относящиеся к мандату Группы; в частности, Комитету может быть предоставлена информация, актуальная с точки зрения потенциального включения в санкционный список физических и юридических лиц, ответственных за совершение подпадающих под режим санкций действий, включая целенаправленное использование гражданских лиц в качестве мишени.

74. Одним из таких инцидентов, в связи с которым Группа хотела провести расследование в период действия своего мандата, было нападение на базу МООНЮС в Боре. 15 апреля 2014 года силы НОАС (оппозиция) атаковали и захватили город Бентиу в штате Юнити и убили там порядка 353 граждан[119]. По сообщениям, гражданские лица, проживавшие в пункте защиты гражданского населения на базе МООНЮС в Боре, отпраздновали захват Бентиу силами НОАС (оппозиция)[120]. Затем, 17 апреля 2014 года, на комплекс МООНЮС в Боре совершила нападение группа в составе примерно 300 мужчин из местной общины, в ходе которого по меньшей мере 47 безоружных гражданских лиц, укрывавшихся в этом пункте защиты гражданского населения, были убиты. Людей убивали из-за их принадлежности к народности нуэр и в отместку за нападение на Бентиу[121]. В числе погибших были «четыре ребенка мужского пола (в возрасте восьми, семи, трех и двух лет); и семь детей женского пола (в возрасте 17, 15, 14, 11, 10, пяти лет и восьми месяцев). По меньшей мере две жертвы на момент убийства были беременны»[122].

---

[116] Пример проведения инспекции оружия см. в S/2017/979, приложение I.

[117] Именно исходя из этой основной идеи международное сообщество прилагает усилия в целях регулирования закупки вооружений и ликвидации незаконного оборота оружия.

[118] Ранее Группа уже сообщала (см. S/2017/793) о попытках бывшего начальник штаба НОАС генерала Пола Малонга добиться строительства объекта по производству боеприпасов в Южном Судане для обеспечения потребностей правительственных сил при проведении военных операций.

[119] Report of the UNMISS Human Rights Division, available from www.ohchr.org/Documents/Countries/SS/UNMISS_HRDJanuary2015.pdf.

[120] Ibid., para. 81.

[121] Ibid., para. 100: «По сообщениям свидетелей и жертв, смысл [нападения] был очевиден и из словесных угроз, которые произносили многие их нападавших, говорившие: «Это плохие люди. Нуэры — плохие». «Мы идем убивать нуэров».

[122] Ibid., para.106.

75. Из собранной Группой информации об этом нападении следует, что один из высокопоставленных политиков, этнический бор, являющийся в настоящее время министром в составе переходного правительства, был лично причастен к планированию нападения на базу МООНЮС[123]. Этот человек и прежде, и сейчас серьезно подрывает усилия, направленные на установление мира в Южном Судане. По мнению членов Группы, его стремление избежать ответственности за нападение на базу МООНЮС как раз и является одной из главных причин его упорного противодействия мирному процессу.

76. Патронные гильзы, собранные в качестве доказательства на месте массового убийства, указывают на то, что нападавшие, по всей вероятности, имели доступ к боеприпасам, которые, согласно ранее оформленным документам, хранились на складах, находящихся в ведении правительства Южного Судана (см. фото I)[124]. Однако патроны калибра 7,62 x 39 мм (используемые в автоматах АК) с маркировкой 211_79 (изображены на фото II) ранее не были зафиксированы в Южном Судане экспертами по оружию[125]. Это может означать, что боеприпасы были ввезены в страну и переданы нападавшим незадолго до апреля 2014 года, и, соответственно, расследование в этом направлении может быть результативным. К сожалению, несмотря на приложенные усилия, Группе не удалось в рамках расследования отработать это направление.

[123] В своем заявлении с изложением обстоятельств дела от 6 сентября 2017 года, в котором сообщалось о введении адресных санкций, Соединенные Штаты объявили Майкла Маквея причастным к «планированию и координации» нападения 17 апреля 2014 года. Это утверждение подтверждают заявления бывшего старшего офицера НОАС, сделанные в августе 2017 года, а также заявления одного бывшего высокопоставленного южносуданского должностного лица, сделанные в феврале 2018 года в ходе разговора с членами Группы, на который он согласился при условии соблюдения конфиденциальности. См. www.treasury.gov/press-center/press-releases/Pages/sm0152.aspx.

[124] Патроны с такой маркировкой часто встречаются в Южном Судане и документально зафиксированы специалистами, занимающимися изучением вооружений. Отследить их источник или схему распространения не представляется возможным.

[125] Переписка между членами Группы и экспертами по вопросам отслеживания вооружений, май и декабрь 2017 года, и конфиденциальный доклад об отслеживании боеприпасов, приобщенные к материалам Группы.

Фото I

Патронные гильзы калибра 7,62 x 39 мм, собранные на территории пункта защиты гражданского населения МООНЮС в Боре после нападения 17 апреля 2014 года, маркировка которых позволяет предположить, что они, скорее всего, были произведены в бывшей Чехословакии (на донной части выбито BxN 82)

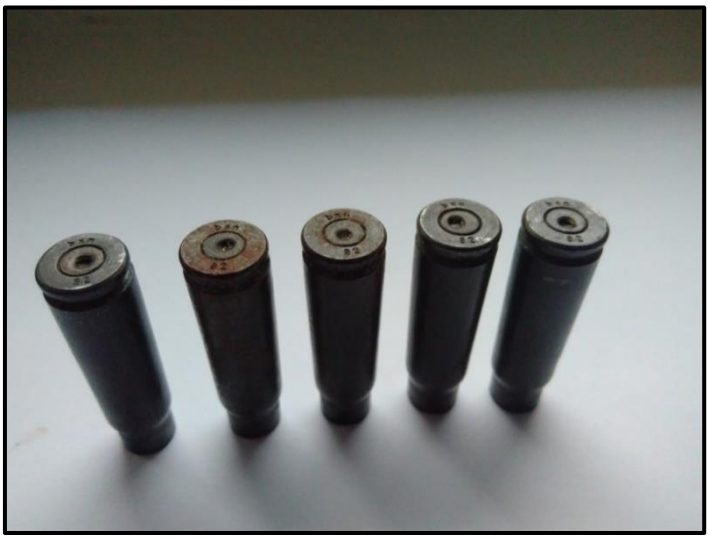


Фото II

Патронные гильзы калибра 7,62x39 мм, собранные на территории пункта защиты гражданского населения МООНЮС в Боре после нападения 17 апреля 2014 года, маркировка которых позволяет предположить, что они, скорее всего, были произведены в Китае (на донной части выбиты клейма 211_77, 211_79 и 101_79)

77. 2 января 2018 года координатор Группы и эксперт по вопросам вооружений обратились к Постоянному представительству Китая при Организации Объединенных Наций с просьбой оказать помощь в установлении изготовителя этих патронов «в надежде на то, что [члены Группы] смогут более точно отследить, куда они были направлены, [и] установить личности виновных в совершении этого массового убийства»[126]. Группа уже не в первый раз зарегистрировала китайское оружие и боеприпасы в Южном Судане и обратилась за помощью в отслеживании их происхождения[127]. В адресованном координатору ответном электронном письме от 29 января 2018 года Постоянное представительство Китая заявило, что Китай всегда строго выполняет соответствующие резолюции Совета Безопасности, придерживается осторожного и ответственного подхода, когда речь идет об экспорте оружия, и никогда не экспортировал оружие негосударственным структурам или физическим лицам. Представительство Китая далее заявило, что имеет основания сомневаться в том, что Группа полномочна поднимать вопрос о событиях, имевших место в апреле 2014 года, почти за год до принятия резолюции 2206 (2015), в соответствии с которой Совет ввел режим санкций. Далее в сообщении говорилось следующее: «мы со всей серьезностью призываем Группу … осуществлять свою деятельность в соответствии с мандатом, предусмотренным резолюциями, и на объективной и справедливой основе».

78. Группа хотела бы подчеркнуть, что после отправки груза корпорацией «Чайна норт индастриз корпорейшн» (Норинко) в июне 2014 года какие-либо доказательства прямой продажи оружия китайскими производителями Южному Судану отсутствуют[128]. Тем не менее, согласно полученным Группой разведданным, оружие и боеприпасы по-прежнему поступают в страну по различным маршрутам снабжения в Восточной Африке[129]. Боеприпасы, как утверждается,

---

[126] Члены группы встретились с сотрудниками Постоянного представительства Китая в Нью-Йорке 14 ноября 2017 года, и в ходе встречи был поднят вопрос, касавшийся просьбы об оказании содействия в отслеживании оружия, а также было отмечено, что на предыдущий запрос от 2 февраля 2017 года никакого ответа так и не поступило. Резюме корреспонденции, направленной Группой, содержится в приложении VII к настоящему докладу.

[127] С момента создания Группы в ходе проведения расследований, связанных с оружием в Южном Судане, неоднократно обнаруживались оружие и боеприпасы с маркировкой, указывающей на то, что они были произведены в Китае. Так, в своем докладе от января 2016 года (S/2016/70) Группа отметила, что анализ выборки из 208 единиц боеприпасов показал, что более 60 процентов этих боеприпасов были произведены в Китае. В своем докладе от апреля 2017 года (S/2017/326) Группа отметила, что среди оружия, изъятого у боевиков Машара, когда они оказались в Демократической Республике Конго, было оружие из Австрии, Китая, Израиля и Соединенных Штатов. (Просьбы отследить происхождение оружия были направлены всем четырем странам, и впоследствии Группа получила ответы на свою просьбу от Австрии, Израиля и Соединенных Штатов). Наряду с этим в своем докладе от ноября 2017 года (S/2017/979, приложение I) Группа документально зафиксировала результаты осмотра оружия, захваченного МООНЮС в июле 2016 года (маркировка 12 единиц оружия четко свидетельствовала о том, что они были произведены в Китае), а также большого количества боеприпасов китайского производства. Совсем недавно Группе были предоставлены три снарядных гильзы, которые были собраны ориентировочно 23 января 2018 года на месте засады в Митике вблизи Ея в Центральном Экваториальном штате. Согласно маркировке, две гильзы были изготовлены в Китае, а третья — в Болгарии.

[128] В докладе Группы от августа 2015 года (S/2015/656) была представлена документация на эту партию груза, и в заказе на поставку были, среди прочего, указаны 20 миллионов патронов калибра 7,62 x 39 мм.

[129] Эксперт по вооружениям обсудил вопрос о закупках оружия в Южный Судан с генералом Малонгом на встрече, состоявшейся 3 февраля 2018 года, в ходе которой бывший начальник Генерального штаба НОАС заявил, что «получить оружие несложно». Он также указал, что оружие всегда можно получить из источников в Восточной Европе", однако

незаконно передаются с оптовыми поставщиками старых запасов (большое количество проверенных боеприпасов было изготовлено в 1970-е годы), в сертификатах на которые конечный пользователь четко не указывается[130]. Это соответствует информации, полученной Группой из источников в Джубе, указавших, что закупка оружия для служб безопасности все в большей степени осуществляется подпольно и вне каналов, которые использовались до 2015 года[131]. По сообщениям многочисленных источников, включая международных наблюдателей, наиболее вероятным основным вариантом ввоза оружия в Южный Судан, являются частые ночные рейсы, прибывающие в международный аэропорт Джубы[132]. Поскольку механизмы закупочной деятельности вооруженных сил правительства становятся все менее и менее прозрачными, многочисленные источники отметили, что в самых крупных масштабах и на стабильной основе закупки оружия в Южном Судане осуществляет Национальная служба безопасности[133].

79. В тех случаях, когда Группа не в состоянии получить достаточные данные для отслеживания оружия и боеприпасов, используемых в Южном Судане, становится чрезвычайно сложно добавить дополнительные подробности к некоторым полученным сообщениям и утверждениям и — что еще более важно — четко разграничить, с одной стороны, оружие и боеприпасы, на законных основаниях переданные Южному Судану государством-поставщиком, а с другой — оружие и боеприпасы, которые, возможно, были ввезены незаконно. Не только Китай не реагирует на просьбы Группы о предоставлении информации, однако с учетом большого количества обнаруженных в Южном Судане оружия и боеприпасов, которые связаны с китайскими производителями, нежелание поддержать просьбы Группы серьезно затрудняет эффективное выполнение Группой ее мандата в части, касающейся контроля за потоками оружия. Кроме того, отсутствие данных, которые были бы получены по результатам отслеживания оружия, в значительной мере препятствует расследованию таких инцидентов, как нападение в Боре, и подрывает усилия по контролю за использованием оружия в стране.

Реактивные самолеты L-39 и боевые вертолеты Ми-24

80. Вертолеты Ми-24 в течение второй половины 2017 года и в начале 2018 года использовались ограниченно. Сообщалось, что два вертолета Ми-24 использовались в координации с операциями НОАС вблизи Майвута в штате

отказался предоставить более подробную информацию. Ранее Группа документально подтвердила передачу оружия из Украины, а именно: 830 ручных пулеметов и 62 тяжелых пулеметов в 2014 году, а также боевых вертолетов Ми-24 в 2015 году (см. S/2016/70, пункты 69 и 75). Неясно, относятся ли комментарии Малонга конкретно к передаче этого оружия или речь идет о другом.

[130] По утверждениям трех независимых источников, боеприпасы закупаются у поставщиков в странах Восточной Европы, отправляются в регион, а затем направляются в Южный Судан. Группе известно, что помимо ее собственного расследования, в связи с этим вопросом в настоящее время проводятся еще два. Однако члены Группы до сих пор не смогли провести независимую проверку этих утверждений.

[131] Члены Группы неоднократно просили предоставить им доступ для изучения государственного арсенала вооружений Южного Судана и поднимали этот вопрос лично и в переписке с высокопоставленными официальными лицами и военачальниками Южного Судана, в том числе за последнее время — в ходе встречи с министром обороны Куолом Маньянгом Джууком в октябре 2017 года и в последующем письме, адресованном правительству. На данный момент Группа не получила ни одного ответа на эти запросы.

[132] Беседы, состоявшиеся в Джубе в сентябре 2017 года и в феврале 2018 года.

[133] Беседы с тремя конфиденциальными источниками, каждый из которых имеет непосредственную информацию о закупках оружия в Южном Судане (дата и местонахождение не разглашаются).

Верхний Нил 21 июля 2017 года. Однако, помимо операции вблизи Майвута, Группе не известно ни о каких других, более недавних операциях, в которых бы задействовались Ми-24. Как можно судить по полученным Группой спутниковым снимкам вертолетов Ми-24, которые базируются в международном аэропорту в Джубе, в последние месяцы они в основном находились на земле. Это, вероятно, обусловлено ограниченностью имеющихся ресурсов для обслуживания вертолетов и ограниченностью поставок ракет, которые составляют их основное вооружение. В феврале 2018 года Группе сообщили, что правительство пытается обеспечить обслуживание вертолетов, а также закупить 400 ракет S8 для возобновления операций[134].

81. Реактивные самолеты L-39 (о них уже говорилось в докладах Группы от сентября 2016 года (S/2016/793) и от апреля 2017 года (S/2017/326)) также бездействовали на протяжении большей части отчетного периода. В то же время источник, непосредственно знакомый с тем, как обстоят дела с реактивными самолетами, заявил, что L-39 возобновили полеты в начале февраля 2018 года со своей базы в Гулу, Уганда[135]. Примерно в 00 ч 20 мин 8 февраля два небольших реактивных самолета были замечены над Джубой. Как сообщил один из наблюдавших это экспертов, ни на одном самолете не были включены навигационные огни. Вполне вероятно, что над Джубой были замечены как раз реактивные самолеты L-39.

Поставки оружия оппозиции

82. Беседы с руководителями основных оппозиционных групп наряду с сообщениями об операциях на местах и комментариями международных наблюдателей подтверждают вывод о том, что на момент представления настоящего доклада оппозиционные силы по-прежнему имеют ограниченный доступ к оружию и боеприпасам извне. Нехватка боеприпасов в первую очередь ограничивает наступательные операции оппозиционных групп во многих районах. Командиры оппозиции сообщили, что они все в большей степени вынуждены ограничиваться проведением маломасштабных операций и применять тактику партизанской войны — и при этом зависеть от передвижения правительственных сил и избегать прямых столкновений с ними[136].

VII. Осуществление мер по замораживанию активов и запрета на поездки

83. Группа продолжала собирать, изучать и анализировать информацию об усилиях государств-членов в целях осуществления мер по замораживанию активов и запрета на поездки в отношении шести лиц, включенных в санкционный список 1 июля 2015 года. В соответствии с пунктом 12 резолюции 2206 (2015) Совета Безопасности меры по замораживанию активов применяются ко всем денежным средствам, другим финансовым активам и экономическим ресурсам, которые находятся, прямо или косвенно, в собственности или под контролем любых физических лиц или организаций, внесенных Комитетом в санкционный перечень, либо физических лиц или организаций, действующих от их имени или по их указанию, либо организаций, которые находятся в их собственности или под их контролем.

[134] Хотя провести независимую проверку этого сообщения не было возможности, этот источник располагает информацией об операциях вертолетов из первых рук и поэтому заслуживает доверия.

[135] Беседа в этом районе, февраль 2018 года.

[136] Беседы в Аддис-Абебе, январь 2018 года.

84. В ходе своих расследований Группа получила информацию о том, что Мариал Чануонг Йол Мангок, один из шести включенных в санкционный перечень лиц, является бенефициаром нескольких коммерческих предприятий, зарегистрированных в Южном Судане на имя его сына, Гума Мариала Чануонга. Группа полагает, что управление этими компаниями осуществляется от имени Мариала Чануонга Йола Мангока.

85. Документы, полученные Группой, позволяли установить следующее:

a) 30 сентября 2013 года Гум Мариал Чануонг был зарегистрирован в качестве одного из директоров компании «Гумач дженерал компани, лтд»[137].Ему принадлежит 80 процентов капитала компании. Номинальный акционерный капитал компании составляет 100 000 долл. США. Учитывая, что он выступает держателем акций от имени Мариала Чануонга Йола Мангока[138], его доля составляет 80 000 долл. США;

b) 31 августа 2012 года Гум Мариал Чануонг был зарегистрирован в качестве одного из директоров «Хаф мун энтерпрайзиз, лтд». В ходе своих расследований Группа установила, что Гуму Мариалу Чануонгу принадлежит 31 процент капитала компании[139]. С учетом вышесказанного доля Мариала Чануонга Йола Мангока также будет составлять 31 процент акционерного капитала;

c) 7 августа 2013 года Гум Мариал Чануонг был зарегистрирован в качестве одного из директоров «Оксиджен дженерал трейдинг компани, лтд»[140]. Он владеет 50 процентами капитала компании. Номинальный акционерный капитал компании составляет 500 000 долл. США. Группа установила, что Гум Мариал Чануонг является сыном включенного в перечень лица — Мариала Чануонга Йола Мангока. Фактическим бенефициаром 50 процентов акций компании является Мариал Чануонг Йол Мангок.

86. Члены Группы связались с адвокатами, присутствовавшими при регистрации «Гумач дженерал компани, лтд», «Хаф мун энтерпрайзиз, лтд» и «Оксиджен дженерал трейдинг компани, лтд», чтобы выяснить, по-прежнему ли Гум Мариал Чануонг является членом советов директоров этих компаний, но никаких фактических данных в ответ на свой запрос не получили[141]. Группа будет продолжать выяснять, кому эти компании принадлежат.

---

[137] Учредительный договор и устав «Гумач дженерал компани, лтд» были подписаны в присутствии частного адвоката Филлипса Аньянга Нгонга, члена Южносуданской ассоциации адвокатов, и были зарегистрированы Министерством юстиции Южного Судана 30 сентября 2013 года.

[138] Беседа с источником, представляющим НОАС (оппозиция), в ноябре 2016 года в Найроби; информация была подтверждена в ходе бесед с источниками, представляющими НОАС (оппозиция), в январе 2018 года в Найроби и Кампале.

[139] Учредительный договор и устав «Хаф мун энтерпрайзиз, лтд» были подписаны в присутствии юрисконсульта и уполномоченного по приведению к присяге Кимо Аджинга Абы Гока, члена Ассоциации адвокатов, советников по правовым вопросам и уполномоченных по приведению к присяге и зарегистрированы в Министерстве юстиции Южного Судана 31 августа 2012 года.

[140] Учредительный договор и устав «Оксиджен дженерал трейдинг компани, лтд» были подписаны в присутствии частного адвоката и уполномоченного по приведению к присяге Куэтпинга Денга Нхунрома и зарегистрированы в Министерстве юстиции Южного Судана 7 августа 2013 года.

[141] Корреспонденция, направленная адвокатам «Гумач дженерал компани, лтд» и «Оксиджен дженерал трейдинг компани, лтд» 9 февраля 2018 года, приобщена к материалам Группы. В регистрационных документах «Хаф мун энтерпрайзиз, лтд» не было указано никакой контактной информации. Корреспонденция, направленная Регистратору компаний Министерства юстиции Южного Судана 9 марта 2018 года, приобщена к материалам Группы.

87. В период с октября по декабрь 2017 года Группа направила восемь писем действующим в Южном Судане коммерческим банкам с просьбой предоставить информацию о компаниях, связанных с Мариалом Чануонгом Йолом Мангоком, у которых могли оказаться действующие счета[142]. 17 октября 2017 года Группа получила официальный ответ от Акционерного банка, в котором сообщалось, что счета компании «Плэнет холдингз лтд», упомянутой в промежуточном докладе Группы, были заморожены. В письме, однако, ничего не было сказано о конкретных датах, когда счета были заморожены.

88. После опубликования 10 октября 2017 года циркуляра Центрального банка Кении (см. S/2017/979, приложение III), в котором руководителям кенийских банков предписывалось представить Центральному банку к 5 ноября 2017 года «подробный доклад о счетах, владельцами которых являются шесть генералов, а также об активах, находящихся в их собственности или под их непосредственным контролем либо контролируемых ими опосредованно, через других лиц», Группа направила 12 февраля 2018 года в Центральный банк письмо с просьбой сообщить названия соответствующих банков, даты, когда счета были заморожены, количество счетов, суммы средств на счетах, а также историю операции по каждому счету с 1 июля 2015 года. Однако ответа Группа до сих пор не получила.

VIII. Заключение

89. Группа считает, что, несмотря на призывы международного сообщества к миру в Южном Судане, правительство и первый вице-президент Табан, прилагая усилия для защиты своих интересов, продолжают проводить политику, которая в целом способствует расширению масштабов военных действий. Решительный характер этих усилий со всей очевидностью проявляется в том, с какой невероятной жестокостью их войска проводили операции, вынуждали гражданских лиц переселяться из мест их проживания, разрушали источники средств к существованию людей и препятствовали гуманитарному доступу, несмотря на наличие подписанного соглашения о прекращении боевых действий.

90. Масштабы безнаказанности и то, что частные интересы превалируют над интересами мира, несомненно, свидетельствует об отсутствии политической воли к миру, несмотря на тяжелую гуманитарную ситуацию в стране. Поэтому ничто не свидетельствует о приверженности сторон в конфликте, особенно правительства, прекращению конфликта, а добиться его прекращения можно будет только в случае введения в отношении нарушителей — из числа всех сторон в конфликте — международных санкций.

IX. Рекомендации

91. Группа выносит следующие рекомендации:

a) чтобы продемонстрировать твердое намерение Совета Безопасности содействовать установлению всеобъемлющего и прочного мира в Южном Судане, Комитету следует внести в санкционный перечень тех, кто несет ответственность за действия и политику, представляющие угрозу для мира, безопасности и стабильности Южного Судана в соответствии с определениями, дан-

[142] 2 октября 2017 года Группа направила запросы в коммерческий банк «Альфа», коммерческий банк «Буффало», «Чейз Банк Кения», Кооперативный банк Южного Судана, Акционерный банк, Международный коммерческий банк, банк «Айвори» и банк «Нил».

ными в пунктах 9 и 10 резолюции 2290 (2016). Помимо конфиденциального приложения, представленного Группой Комитету в 2016 году, Группа представила в настоящем докладе и в своих предыдущих докладах (S/2016/70, S/2016/793, S/2016/963, S/2017/326, S/2017/789 и S/2017/979) доказательства ответственности ряда лиц за действия и политику, о которых говорится в пункте 9 резолюции 2290 (2016), или их причастности к ним, включая лиц, ответственных за ситуацию, которая привела к беспрецедентному гуманитарному кризису, а также представила Комитету материалы с изложением конкретных обстоятельств дел этих лиц;

b) чтобы продемонстрировать твердое намерение Совета Безопасности содействовать установлению всеобъемлющего и прочного мира в Южном Судане и не допустить дальнейших крупномасштабных нарушений прав человека, которые, как установила Группа, напрямую связаны с поставками оружия и боеприпасов государственным и негосударственным субъектам, Совету Безопасности следует ввести эмбарго на поставку, продажу или передачу оружия и связанных с ним материальных средств в Южный Судан. Группа подтверждает свои рекомендации о порядке осуществления такого эмбарго, изложенные в подпунктах (d), (e) и (g) пункта 84 своего промежуточного доклада за 2015 год (S/2015/656). По мнению Группы, оружейное эмбарго технически осуществимо и окажет положительное воздействие на политическую ситуацию и обстановку в плане безопасности;

c) чтобы содействовать соблюдению действующих решений о внесении в санкционный перечень[143], Комитету следует направить государствам — членам МОВР письмо с подтверждением их обязательств согласно статье 41 главы VII Устава Организации Объединенных Наций соблюдать замораживание активов, установленное резолюцией 2206 (2015) и продленное резолюцией 2290 (2016), и непосредственно обратиться с просьбой заморозить банковские счета и активы следующих лиц, а также связанных с ними структур, ранее выявленных Группой: Мариала Чануонга Йола («Ньямлел петролеум компани лимитид», «Глоубал сервисиз интернейшнл компани лимитид», «Плэнет холдингз лтд» и Торгово-инвестиционная компания «Сич2) и Габриэля Джока Риака («Зенит компани лимитед»).

[143] См. https://scsanctions.un.org/fop/fop?xml=htdocs/resources/xml/en/consolidated.xml&xslt=htdocs/resources/xsl/en/southsudan.xsl.

Annex I
Table of correspondence sent and received by the Panel from 20 July 2017 to 14 March 2018

Country/other entity	*Number of letters sent*	*Requested information fully supplied*	*Information partially supplied*	*No answer*	*Pending*
Alfa Commercial Bank	1			1	
AUPSC	1			1	
Bulgaria	1	1			
Buffalo Commercial Bank	1			1	
Central Bank of Kenya	1			1	
Chase Bank	1			1	
China	1			1	
Cooperative Bank of South Sudan	1			1	
Deutsche Bank	4	1		3	
Equity Bank	1	1			
Ethiopia	2	1		1	
International commercial Bank	1	1			
Israel	1	1			
Ivory Bank	1				
National Bank of Abu-Dhabi	1	1			
Nile Bank	1			1	
Poland	2	2			
Qatar National Bank	1	1			
Southern Sudan Associated Advocates	1			1	
South Sudan	5			5	
Sudan	1			1	
Uganda	2	1		1	
Total	30	11		19	

Annex II
Conflict-related sexual violence

Conflict-related sexual violence remains a hallmark of the war in South Sudan, with women and girls bearing the brunt of this degrading practice.[1] All parties continue to deliberately use rape as part of their military strategy, often in gruesome incidents of gang rape. In his 2017 report, the Secretary-General pointed to "widespread and systematic sexual violence [being] used as a tactic of war to terrorize and persecute populations in a manner that indicates its ethnic, as well as political, undertones."[2] Research by Amnesty International indicates that "such extreme acts of sexual violence [are meant to] degrade, shame and humiliate both the victims and their ethnic or political group."[3]

UNMISS recorded 122 cases of conflict-related sexual violence impacting 196 victims, including 68 girls, in 2017. The incidents involved 88 cases of rape, 63 of gang-rape and 31 cases of abduction for the purpose of sexual assault. The SPLA or associated forces were deemed responsible in the vast majority of cases, i.e. in 72 cases, and SPLA-IO forces in 10 cases.[4] On the other hand, CTSAMM recorded 154 women and children seeking medical help for sexual violence, mainly rape by armed actors, in the Juba area alone between February and December 2017. The vast majority of cases would have been perpetrated by SPLA and other government security forces as the government controls most of the Juba area.[5] The full extent of conflict-related sexual violence across the country might never be known, as the overwhelming majority of violations go unreported.[6]

Survivors interviewed by Amnesty International described "a situation in which sexual violence is rampant, taking place any time civilians come into close proximity with armed actors." This includes during military attacks on villages, along

[1] Conflict-related sexual violence is only one part of the story. Violence against women and girls (VAWG) is pervasive across South Sudan. In the first ever large-scale research study of VAWG in several areas of South Sudan (Juba, Bentiu PoC and Rumbek), 65% of women and girls reported experiencing physical and/or sexual violence in their lifetime, among the highest rates of VAWG in the world. Thirty-three% of women in these areas experienced sexual violence from a non-partner, often directly linked to a raid, displacement or abduction. Women and girls who live in Juba Protection of Civilian (PoC) sites are the most vulnerable to this type of assault—almost a quarter of women who experienced this violence reported that they experienced multiple incidents of sexual violence. See IRC. No Safe place: A life-time of violence for conflict-affected women and girls in South Sudan. November 2017. https://www.rescue.org/sites/default/files/document/2294/southsudanlgsummaryreportonline.pdf.

[2] S/2017/249.

[3] Amnesty International. Do not remain silent: Survivors of sexual violence in South Sudan call for justice and reparations. July 2017. https://www.amnesty.org/en/documents/afr65/6469/2017/en/.

[4] Seven cases were attributed to Riek Machar allied IO forces, four to Taban Deng forces and four to IO allied militias. The remaining cases were either attributed to other security actors, e.g. South Sudan National Police Service, or the perpetrators remained unidentified. UNMISS pointed to difficulties in monitoring due to severely restricted humanitarian access to conflict zones under the control of either the Government or non-State armed groups and to lack of access to internally displaced and refugees for verification of incidents. Panel email correspondence with UNMISS. February 2018.

[5] CTSAMM recorded any type of sexual violence (broader definition than conflict-related sexual violence) but noted that the survivors mainly spoke of rape by "uniformed armed males". Remarkably these only pertain to cases where victims actually were able to seek medical help, indicating this number represents a mere fraction of the total number of cases. CTSAMM. SGBV in Central Equatoria. 15 January 2018. http://ctsamm.org/wp-content/uploads/2018/01/CTSAMM-REPORT-201803-SGBV-IN-CENTRAL-EQUATORIA.pdf.

[6] Victims often face severe psychological and physical trauma, fear reprisals and the social stigma linked to this type of violence, particularly male survivors. At the same time survivors and witnesses have limited access to life-saving services and reporting mechanisms.

roads and at checkpoints, and when abducted or detained.[7] This type of violence also persists nearby protection of civilian sites, where armed actors prey on displaced women leaving the site to look for food or firewood or to access markets, raping them and stealing their goods. It often takes place alongside other violations of human rights laws, such as killing, torture, or mutilation.[8]

According to UNICEF, children account for approximately 25 per cent of all documented cases of conflict-related sexual violence in South Sudan. Communities consistently cite sexual violence as the greatest protection concern for women and girls. Given the severe food insecurity and worsening economy, women and girls have to walk further to forage for food and wood, placing them at even greater risk when carrying out the most basic acts of survival.[9] Child protection actors have raised a particular concern around girls associated with armed actors, often forced to cook, clean and provide sexual services. Those who were able to escape reported rape and other physical abuse.[10]

Survivors mostly feel unsafe reporting their experiences out of fear for reprisals, particularly if government security forces have been implicated.[11] Perpetrators act with full impunity, which has led to the normalisation of extreme levels of sexual violence. The Government has not taken any meaningful step towards ensuring accountability for these crimes in the past four years of civil war. The lack of willingness to take any action is demonstrated in the Juba area in particular which in spite of being under government control, experiences high levels of conflict-related sexual violence.

Beyond the impact on the individual victims and witnesses, conflict-related sexual violence leads to longer-term fissures within and between communities, inflaming inter-ethnic tensions and feeding cycles of violence.

[7] Amnesty International. Do not remain silent: Survivors of sexual violence in South Sudan call for justice and reparations. July 2017. Ibid.

[8] CTSAMM reported that women were mutilated in addition to being raped, with ears cut off and fingers removed. CTSAMM. SGBV in Central Equatoria. 15 January 2018. Ibid.

[9] UNICEF, Gender-based violence. December 2017. https://www.unicef.org/southsudan/GBV_Programme_Brief_December_2017_040218.pdf.

[10] Panel interviews with child protection actors in Nairobi, Juba and by phone, between September 2017 and February 2018. See also UNICEF, Gender-based violence. December 2017. Ibid.

[11] Panel interviews with protection actors in Nairobi, Juba and by phone, between September 2017 and February 2018. See also Amnesty International. Do not remain silent: Survivors of sexual violence in South Sudan call for justice and reparations. July 2017. Ibid.

Annex III
Response of First Vice-President Taban Deng Gai regarding recruitment of children by the Sudan People's Liberation Army in Opposition (Taban)

Mr. Klem Ryan
UN Panel of Experts
R.E: Recruitment of Children into the Army

First and foremost, the SPLA-IO forces under my command in Unity State and in the entire Republic of South Sudan does not have a policy to recruit any child or minor during 2016, 2017 and 2018 as alleged by the report. This report is based on hearsay and there is no concrete evidence to substantiate the claims.

In my career as an army officer during the twenty-one years of struggle, I have never had the policy to recruit any child or minor in my unit. In fact I have campaigned tirelessly to discourage the practice since I was a junior officer.

I have been a disciplined commander. I have protected children, women and the elderly and ensured that the soldiers under my command adhered to the strict observance of SPLA laws of no recruitment of children or minors to the Army. Additionally, as country we subscribe to international treaties which prohibit the recruitment of child soldiers and protect the rights of children.

I was in Yambio recently to demobilize children recruited by others from the army and succeeded in releasing over 2,000. It is the policy of the Government of the Republic of South Sudan to ensure children are safeguarded and protected and we have a police to not to recruit them into the army.

Thanks
H.E. Taban Deng Gai
First Vice President of the Republic of South Sudan
February 27, 2018

Annex IV
Obstruction of humanitarian access

In its examination of statistics compiled by the humanitarian community, the Panel notes that "humanitarian access incidents" have increased during the reporting period.[1] In 2017, humanitarians reported 1,159 humanitarian access incidents, significantly higher than 908 in 2016 and 909 in 2015, and the highest annual number of incidents since the conflict began in December 2013.[2] In 2016, 69% of those incidents involved violence against humanitarian personnel or assets, with 24 humanitarians killed.[3] In 2017, the number of incidents involving violence had decreased to 47%, however, 28 workers were killed,[4] including six aid workers killed in one single attack on Duk Payuel village, Jonglei, at the end of November 2017.[5]

In an apparent response to pressure from the international community to deal with obstruction of humanitarian assistance, President Salva Kiir issued the Republican Order for the "Free, unimpeded and unhindered of Humanitarian Assistance Convoys" on 9 November 2017.[6] However, the Panel assesses the situation has so far not significantly improved.

November 2017 was coincidentally one of the worst months for humanitarian actors since the start of the war in 2013, with 9 aid workers killed in attacks and 47 NGO staff evacuated in Eastern Equatoria, Jonglei and Unity.[7] In December 2017, 111 access incidents were reported,[8] compared to 77 in the same month one year earlier[9]. Strikingly, 44% of those incidents were attributed to state security forces in 2017,[10] compared to only 28% in 2016,[11] in spite of the clear order issued by their Commander-in-Chief, President Salva Kiir. In January 2018, a reduction in access incidents was noted (66) compared to December 2017, with 33 % of incidents attributed to state security forces. Two independent humanitarian sources suggested

[1] The humanitarian community keeps track of obstruction of humanitarian assistance through reporting "humanitarian access incidents" to OCHA. It should be noted that these reports only represent a fraction of the actual incidents occurring as a number of humanitarian actors choose not to report access-related incidents due to safety concerns for their beneficiaries and staff. For example, a June 2017 survey found that on average only one third of known cases of bureaucratic access impediments are reported to any entity. http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/201711/SBureaucratic_Access_Impediments_Survey_Report.pdf.

[2] https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_20180213_Annual_Access_Snapsh Final.pdf.

[3] https://reliefweb.int/report/south-sudan/south-sudan-humanitarian-access-situation-snapshot-jan dec-2016.

[4] https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/SS_180118_OCHA_SouthSudan_Humanitarian_Bulletin01.pdf.

[5] Six NGO workers were killed in a raid on Duk Payuel village at the end of November 2017. Reportedly, around 44 local people were killed and dozens wounded when assailants launched a coordinated attack the village. Houses and huts were destroyed in the attack and around 50 women and children were abducted. An NGO warehouse was looted and around 1,000 cattle were stolen. https://aidworkersecurity.org/incidents/search?start=2014&detail=1&country=SS.

[6] http://docs.southsudanngoforum.org/sites/default/files/2017-11/Order-Humanitarian%20assistance.pdf.

[7] USAID. South Sudan Crisis. Fact sheet 3. 16 January 2018. https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1866/01.16.18_-_USAID_DCHA_South_Sudan_Crisis_Fact_Sheet_3.pdf.

[8] https://reliefweb.int/report/south-sudan/south-sudan-humanitarian-access-snapshot-december-2017.

[9] https://reliefweb.int/report/south-sudan/south-sudan-humanitarian-access-situation-snapshot-december-2016.

[10] The remaining 56% is divided between non-state armed actors (25%); criminal or unknown (18%); civilians (7%); and national or sub-national governments (6%). https://reliefweb.int/report/south-sudan/south-sudan-humanitarian-access-snapshot-december2017.

[11] The remaining 72% is attributed to other armed actors (29%); unknown (26%); and national or sub-national government (17%). https://reliefweb.int/report/south-sudan/south-sudan-humanitarian-access-situation-snapshot-december-2016

that the decrease in violent incidents may have been due to an overall decrease of active fighting across the country coupled with seasonal effects.[12]

Opposition armed groups also obstruct humanitarian assistance, albeit to a lesser degree. On 17 December 2017, the Riek Machar faction of the SPLM/A in Opposition abducted 6 humanitarians on the Raja-Wau road during armed clashes with the SPLA. They detained the 6 workers including one international and five national staff, for four days before handing them over to WFP on 20 December.[13]

[12] Panel interview, Nairobi, February 2018 and Panel email correspondence, February 2018.

[13] https://www.solidarites.org/en/press/security-incident-south-sudan-solidarites-international-calls upon-media-utmost-caution/; https://reliefweb.int/report/south-sudan/humanitarian-coordinator-gravely-concerned-over-six-missing-aid-workers-south; and https://reliefweb.int/report/south-sudan/south-sudan-humanitarian-coordinator-welcomes-news-six-aid-workers-safely.

Annex V
Case study: Taxation at checkpoints

Armed groups, including the SPLA and the Machar faction of the SPLA-IO, continue to use checkpoints along South Sudan's roads to extract bribes—commonly referred to by armed groups as "transit taxes"—from private and commercial vehicles. Given the persistent lack of resupply for opposition armed groups and the inability of the central government to pay SPLA salaries, the transit tax is less a means of financing the conflict as it is basic means of survival for forces on both sides of the conflict.[1]

While SPLA-IO forces loyal to Riek Machar have lost significant ground to the SPLA in recent months, the SPLA-IO maintain control over a number of checkpoints where they have been collecting transit rates. SPLA-IO representatives told the Panel that the transit tax at IO checkpoints are in the range of $16-18 per vehicle and $14-18 per cattle herd. For trucks, the SPLA-IO calculates its tax on the basis of cargo weight. The funds collected are typically used to purchase daily necessary supplies to opposition fighters.[2] Estimates of cash flows from transit rates are difficult to make, as real figures are kept by SPLA-IO commanders on the ground.

SPLA checkpoints are mostly located along main transport routes, which increases opportunities to collect cash. Transit fees at SPLA checkpoints is in the range of 20-25 USD per track and of 3-5 USD for motorcycle. About USD 150-250 is collected per day.[3] The map below shows an approximate location of both parties' checkpoints (Figure III).

[1] The salary size for the private in SPLA is 600 SSP, which due to rampant inflation does not cover basic living costs for an individual soldier, much less provide for a family. Confirmed by a confidential source in UNMISS and a separate confidential source in New York in January 2018.

[2] Interviews with IO members in November 2017 and January 2018 in Nairobi and Kampala. Also confirmed with interviews independent analyst in November 2017 in Nairobi and in January 2018.

[3] Interviews with IO members in November 2017, January and February 2018 in Nairobi, Kampala and Khartoum. Also confirmed with interviews with independent analyst in November 2017 in Nairobi and in January 2018.

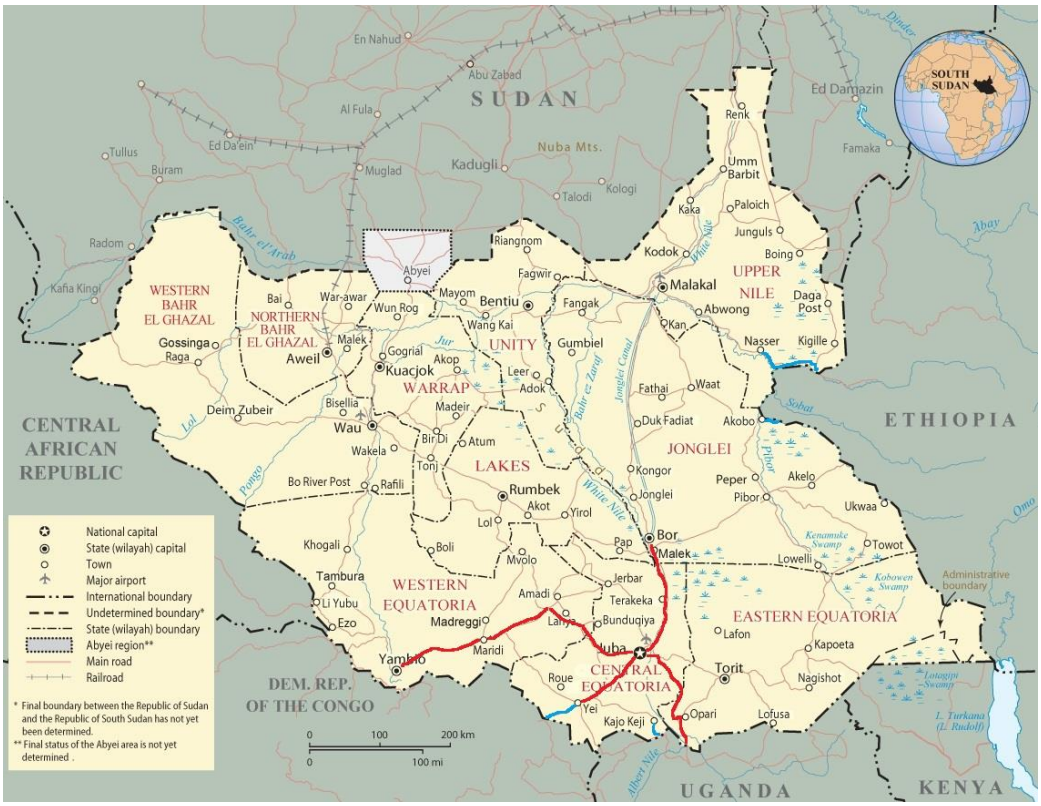


Figure III South Sudan Road map with SPLA (red) and SPLA-IO (blue) checkpoints on which Panel has data on transit taxation.

Annex VI
Case Study: Loka plantation

Background–A disputed plantation

The situation in Lainya County, Yei River State, is illustrative of the illegal exploitation of teak and armed groups' profit from the trade. The 1,775 hectare Loka plantation is the largest of three concessions in Yei River held by the Central Equatoria Teak Company (CETC), which signed a 32-year lease with the central government in 2009.[1] South Sudan has not adopted forestry legislation since its 2011 independence (the Forest Bill passed by parliament has been awaiting President Kiir's signature since June 2016), and the industry is still governed by pre-independence legal frameworks, which give the central government authority to grant forestry concessions in federal forests such as the Loka plantation.[2]

Owing to a variety of factors, including insecurity and illegal logging operations on the plantation, CETC did not commence felling trees in Loka until 2012. According to an official in the Ministry of Agriculture, Forestry, Cooperatives and Rural Development (MAFCRD), which until 2016 managed forestry operations in South Sudan (the Ministry of Environment and Forestry now holds this responsibility), the then Central Equatoria State (CES) government and local officials in Lainya County, frustrated by the lack of progress in exploiting the teak, moved in October 2012 to force CETC to abandon the concession and hand over its assets to community leaders.[3] In July 2014, following a nearly two-year dispute between CETC and local government officials, the CES Council of Ministers voted to take control of the concession and awarded a new concession to a company called Rubena Ladu, based in Yei with backing from investors in Dubai, United Arab Emirates.[4] The CES decision to nullify CETC's contract is illegal under current South Sudanese law, and CETC has been embroiled in a legal dispute with the CES and now Yei River State and national government to resume operations.[5]

Heightened conflict opens the door for illegal exploitation

When South Sudan's conflict expanded into the Equatorias in the fall of 2016, Yei and its surrounding areas, including Lainya County, experienced some of the worst atrocities against civilians, with the SPLA slaughtering Equatorian civilians and Equatorian militia responding by killing ethnic Dinkas in the area.[6] The resulting mass displacement from Yei River created an environment in which armed groups could exploit the teak for their own purposes. Loka plantation was and remains ground zero for these activities. With neither CETC nor Rubena Ladu conducting felling operations in Loka, Yei River State officials have sold logging permits and certificates of origin to individuals and newly incorporated small companies.[7]

Profits for armed groups

Many of these local actors have close ties—or are themselves members of—the SPLA or the SPLA-IO.[8] These operators pay the government to log a specific number of trees. In addition, they pay fees per tree to either the SPLA or the SPLA-IO, as discussed in the main body of this report. Industry experts estimate that approximately 80-100 trucks each carrying around 100 to 120 whole logs are extracted from Loka every month, amounting to approximately 6,000 cubic meters of wood.[9] Of those trucks, between 25 and 35 are exported directly to buyers in Kampala, Uganda and the rest or sent to sawmills in Juba

[1] Confidential document on file with the panel.
[2] For a detailed discussion of the legal and institutional frameworks for the forestry sector see UNREDD Country Needs Assessment for South Sudan (2015), pages 38-51.
[3] Interview with MAFCRD official in Juba, 11 February 2018.
[4] Confidential document on file with the panel.
[5] Interview with MAFCRD official in Juba, 9 February 2018 and interviews with teak industry officials in December 2017 and February 2018.
[6] There is extensive reporting on the fighting and atrocities in Yei River State. See the Panel's final report for 2016 (S/2017/326) and Patinkin, Jason, "The War in Equatoria: A rare look inside South Sudan's spreading conflict," IRIN, 12 July 2017.
[7] Interviews with teak traders in Kampala and correspondence with teak industry representatives in Nairobi and South Sudan, November 2017 and February 2018.
[8] Interviews with teak trader in Kampala, 9 February 2018, South Sudan forestry expert, 31 January 2018, and confidential IO source in Kampala, 18 February 2018.
[9] Interview with teak industry representative on 3 November 2017.

or Yei for milling and eventual export, again to Uganda.[10] According to SPLA-IO sources, the proceeds from trucks bound directly for Kampala often benefit the IO, while the profits from trees milled in Yei and Juba would benefit the SPLA or the SPLA-IO, depending on the political leanings of the mill operator.[11] Based on the protection fees cited in the main body of the report, the Panel estimates that the SPLA-IO nets $42,000 to $67,200 in protection money per month from the trucks bound directly for Kampala. The Panel has not yet been able to approximate the distribution of funds to armed groups from the trucks bound for Yei and Juba.

Lost revenue

During the course of its investigations, the Panel visited an international trading firm outside Kampala, Uganda and spoke with teak buyers there. Teak traders pay USD $7,000 to $8,000 per truckload of uncut teak from South Sudan, which for 80 to 100 trucks per month amounts to anywhere from $560,000-$800,000 paid to traders and middlemen. The logs are either loaded directly (Figure II) or milled with chainsaws and then loaded into containers. The containers are then loaded on to trucks and travel via road to Mombasa, Kenya for export—most frequently to buyers in from Middle East and Asia. Buyers in these countries pay anywhere from $500 to $1,000 per cubic meter of teak, depending on the size and quality of the trees or planks, putting the market value of the teak coming out of Loka each month at $3-6 million. Teak traders whom the Panel interviewed confirmed that the logs shown in Figures I and II are from Loka Plantation, and that traders expect the teak in the 20 foot container shown in Figure I to sell for $650-$700 per cubic meter, or $21,580 to $23,240.[12] Since the Central Equatoria State government pushed CETC off the concession, one industry expert estimates that 140,000 cubic meters of teak has been harvested, representing a market value of approximately $91 million and lost government revenue of approximately $14 million.[13]

Figure I Uncut teak logs loaded in a shipping container at a warehousing facility outside Kampala, Uganda.

[10] Correspondence with teak industry representative on 9 February 2018.
[11] Confidential interview with Kampala-based SPLA-IO member on 20 February 2018.
[12] Panel visit and interviews with teak traders at an international transit facility outside Kampala, Uganda, on 7 February 2018.
[13] Correspondence with teak industry representative on 20 February 2018.

Figure II Workers at a warehousing facility outside of Kampala cutting up uncut teak logs from South Sudan.

Annex VII
Letters to the Permanent Representative of China to the United Nations.

UNITED NATIONS NATIONS UNIES

POSTAL ADDRESS-ADRESSE POSTALE: UNITED NATIONS, N.Y. 10017
CABLE ADDRESS -ADRESSE TELEGRAPHIQUE: UNATIONS NEWYORK

REFERENCE: S/AC.57/2018/PE/OC.01

2 January 2018

Excellency,

I am writing on behalf of the Panel of Experts on South Sudan, whose mandate was established pursuant to Security Council resolution 2206 (2015) and extended pursuant to resolution 2353 (2017) until 31 May 2018. A copy of the letter of appointment of the Panel by the Secretary-General (S/2017/594) is attached herewith for ease of reference.

The Panel is mandated by the Security Council to, inter alia:

12 (c) Gather, examine and analyse information regarding the supply, sale or transfer of arms and related materiel and related military or other assistance, including through illicit trafficking networks, to individuals and entities undermining implementation of the [Agreement on the Resolution of the Conflict in the Republic of South Sudan] or participating in acts that violate international human rights law or international humanitarian law, as applicable.

On 17 April 2014, the UNMISS base in Bor was attacked and 48 South Sudanese civilians sheltering within the base were massacred. The Panel has shell casings from the ammunition used by the assailants. Ammunition tracing experts have identified these rounds as likely of Chinese manufacture. Furthermore, these experts have not previously documented some of these specific manufacture's head stamps in the region, suggesting that these rounds may have been issued to the attackers shortly prior to their use in April 2014. In this connection, please find attached (Annex) an image of the shell cases.

The Panel requests the assistance of the Chinese authorities in tracing the origin of these rounds in the hope that it can more accurately trace their distribution, thereby, identify the perpetrators of the massacre. In particular, the Panel would request assistance in tracing the specific manufacturer of the ammunition, and details of any export records of ammunition with these manufacturing marks to South Sudan.

His Excellency
Mr. LIU Jieyi
Permanent Representative of the People's Republic
of China to the United Nations
New York

2

I also take this opportunity to reiterate Panel's letter S/AC.57/2017/PE/OC.8 dated 2 February 2017 asking for your Government's assistance in tracing weapons in connection to the conflict in South Sudan. The Panel is yet to receive a written response to this request. I've attached the copies of the earlier letter for your ease of reference.

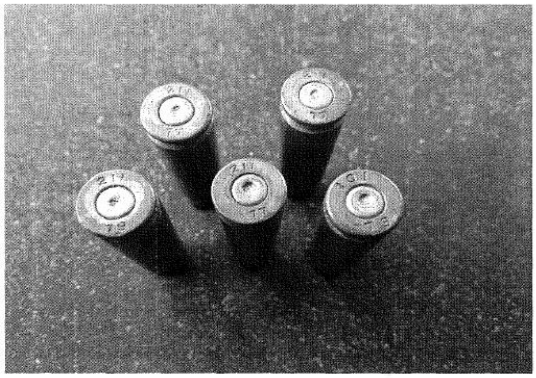
The Panel would sincerely appreciate if your office would direct its response **by 30 January 2018** through Mr. David Biggs, Senior Secretary of the Security Council Committee established pursuant to resolution 2206 (2015) concerning South Sudan: 2 UN Plaza, Fl 20, Room DC2-2042, United Nations, New York, NY 10017, Tel 212-963-5598, Fax 212-963-1300/3778, Email: biggs@un.org.

Please accept, Excellency, the assurances of my highest consideration.

Klem Ryan
Coordinator and Arms Expert
Panel of Experts on South Sudan
extended pursuant to Security Council
resolution 2353 (2017)

3

ANNEX: Shell Cases from the massacre of civilians in the UNMISS base in Bor, South Sudan - Collected 17 April 2014.



UNITED NATIONS NATIONS UNIES

POSTAL ADDRESS-ADRESSE POSTALE: UNITED NATIONS, N.Y. 10017
CABLE ADDRESS -ADRESSE TELEGRAPHIQUE: UNATIONS NEWYORK

REFERENCE: S/AC.57/2017/PE/OC.08

2 February 2017

Excellency,

I have the honour to write to you on behalf of the Panel of Experts on South Sudan established pursuant to Security Council resolution 2206 (2015), and extended by resolution 2290 (2016).

As you are aware, the Security Council has requested, inter alia, that the Panel "gather, examine and analyse information regarding the supply, sale or transfer of arms and related materiel and related military or other assistance, including through illicit trafficking networks, to individuals and entities undermining implementation of the Agreement or participating in acts that violate international human rights law or international humanitarian law, as applicable."

The Panel has recently received information on the weapons collected by the UN peacekeeping mission in the Democratic Republic of Congo (MONUSCO) from the supporters of Riek Machar, ex-Vice President of South Sudan, after their crossing into DRC in August 2016. Among the weapons documented were a number apparently manufactured in the People's Republic of China. I have attached the weapon specifications and serial numbers to this letter for your reference

The Panel would appreciate your support in obtaining from the listed companies any information about their manufacture, purchase and shipment so that we can ascertain if these weapons have been legitimately procured by the government of South Sudan, and subsequently taken by Machar's armed supporters from government stocks, or have been brought into South Sudan by other means contrary to their intended use in accordance with the End User Certification.

The Panel therefore requests the shipping and End User documentation for the transactions involving these weapons and any other information that will assist the Panel in its investigation of this matter.

His Excellency
Mr. Liu Jieyi
Permanent Representative of the People's Republic of China
to the United Nations
New York

2

On behalf of the Panel, I would like to reiterate our thanks to the Government of the People's Republic of China for its ongoing cooperation as we work to fulfill the mandate entrusted to us by the Security Council.

The Panel would sincerely appreciate if your office would kindly direct its response through Mr. David Biggs **by 28 February 2017**, Secretary of the Security Council Committee established pursuant to resolution 2206 (2015) concerning South Sudan: 2 UN Plaza, Fl 20, Room DC2-2042, United Nations, New York, NY 10017, Tel 212-963-5598, Fax 2121-963-1300/3778, Email: biggs@un.org.

Please accept, Excellency, the assurances of my highest consideration.

Payton Knopf
Coordinator and Regional Expert
Panel of Experts on South Sudan
extended pursuant to Security Council
resolution 2290 (2016)

3

Attachment

Weapon Type	Model	Serial Number	Possible Manufacturer
Automatic Rifle	CQ M-311	24004410	Norinco
Automatic Rifle	Type 56-2	2851588	State Factory 386
Automatic Rifle	Type 56-1	58012047	State Factory 26
Automatic Rifle	Type 56-1	28128214	State Factory 26
Automatic Rifle	Type 56-1	24000890	State Factory 56
Grenade Launcher	RPG7	740862	State Factory 4702
Grenade Launcher	RPG7	2001439	State Factory 197

UNITED NATIONS NATIONS UNIES

POSTAL ADDRESS-ADRESSE POSTALE: UNITED NATIONS, N.Y. 10017
CABLE ADDRESS -ADRESSE TELEGRAPHIQUE: UNATIONS NEWYORK

REFERENCE: S/AC.57/2017/PE/OC.08

2 February 2017

Excellency,

I have the honour to write to you on behalf of the Panel of Experts on South Sudan established pursuant to Security Council resolution 2206 (2015), and extended by resolution 2290 (2016).

As you are aware, the Security Council has requested, inter alia, that the Panel "gather, examine and analyse information regarding the supply, sale or transfer of arms and related materiel and related military or other assistance, including through illicit trafficking networks, to individuals and entities undermining implementation of the Agreement or participating in acts that violate international human rights law or international humanitarian law, as applicable."

The Panel has recently received information on the weapons collected by the UN peacekeeping mission in the Democratic Republic of Congo (MONUSCO) from the supporters of Riek Machar, ex-Vice President of South Sudan, after their crossing into DRC in August 2016. Among the weapons documented were a number apparently manufactured in the People's Republic of China. I have attached the weapon specifications and serial numbers to this letter for your reference

The Panel would appreciate your support in obtaining from the listed companies any information about their manufacture, purchase and shipment so that we can ascertain if these weapons have been legitimately procured by the government of South Sudan, and subsequently taken by Machar's armed supporters from government stocks, or have been brought into South Sudan by other means contrary to their intended use in accordance with the End User Certification.

The Panel therefore requests the shipping and End User documentation for the transactions involving these weapons and any other information that will assist the Panel in its investigation of this matter.

His Excellency
Mr. Liu Jieyi
Permanent Representative of the People's Republic of China
to the United Nations
New York

2

On behalf of the Panel, I would like to reiterate our thanks to the Government of the People's Republic of China for its ongoing cooperation as we work to fulfill the mandate entrusted to us by the Security Council.

The Panel would sincerely appreciate if your office would kindly direct its response through Mr. David Biggs **by 28 February 2017**, Secretary of the Security Council Committee established pursuant to resolution 2206 (2015) concerning South Sudan: 2 UN Plaza, Fl 20, Room DC2-2042, United Nations, New York, NY 10017, Tel 212-963-5598, Fax 2121-963-1300/3778, Email: biggs@un.org.

Please accept, Excellency, the assurances of my highest consideration.

Payton Knopf
Coordinator and Regional Expert
Panel of Experts on South Sudan
extended pursuant to Security Council
resolution 2290 (2016)

Attachment

Weapon Type	Model	Serial Number	Possible Manufacturer
Automatic Rifle	CQ M-311	24004410	Norinco
Automatic Rifle	Type 56-2	2851588	State Factory 386
Automatic Rifle	Type 56-1	58012047	State Factory 26
Automatic Rifle	Type 56-1	28128214	State Factory 26
Automatic Rifle	Type 56-1	24000890	State Factory 56
Grenade Launcher	RPG7	740862	State Factory 4702
Grenade Launcher	RPG7	2001439	State Factory 197